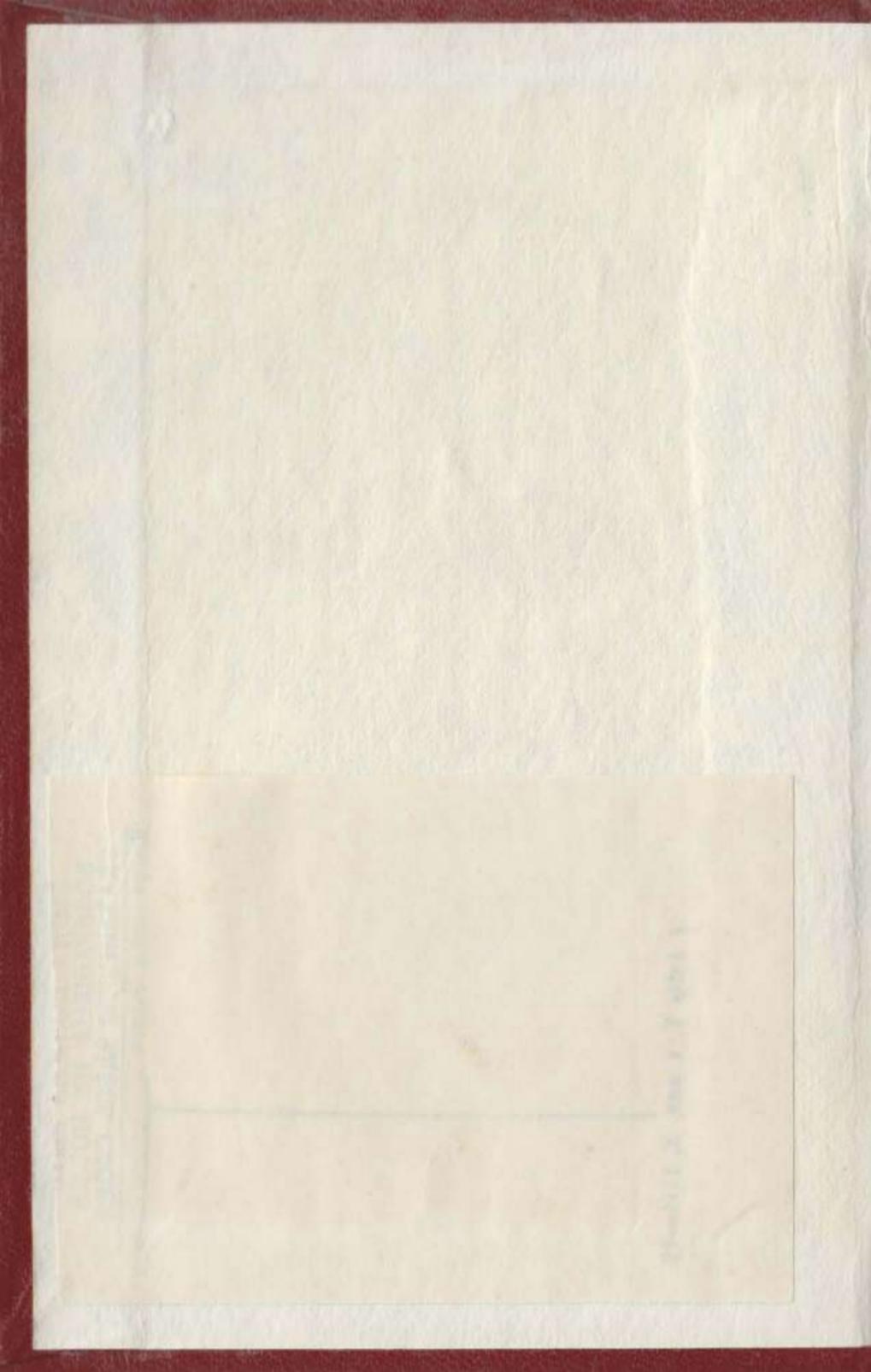

ВАСИЛУРАВЛЕВ-ПЕЧОРСКИЙ

Стрека

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗДНЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Бланч. пред. выдач

28/05/96

в ТМО Т. 1 млн. З. 1171—73

**«Дай руку мне, пойдем со мною
в тот вьюжный край...»**

В. Саянов

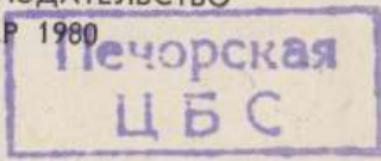
Р2
ок 91

Вас Журавлев-Печорский

Стихи
избранная
лирика

1956
Х

КОМИ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СЫКТЫВКАР 1980

Приуралье -
Круг
полярный

* * *

На землю гляжу из окна самолета.
Чернеет безвестной речушки дуга.
Угрюмая местиность —
Тайга да болота,
Да топи весной, да зимою снега.
Но просеки тянутся к северу с юга,
И кружево вышек чернеет вдали.
Смотрю и смотрю...
Как от лучшего друга,
Свой взгляд не могу оторвать от земли,
Где черное золото люди нашли.
Внизу,
У речушки,
Белеет палатка.
За нею —
Болото,
Тайга,
Бурелом.
Машина идет на Ухту без посадки,
Дымится костер у безвестной палатки,
А завтра поселок мелькнет под крылом!

НОЧЛЕГ

Свет выключают в полночь.
Заря занимается в три.
Ни постовых,
Ни асфальта,
Ни блеска газетных витрин.
О чём призадумался, друже?—
Дымишь,
Дымишь.
Или тебя пугает
Эта ночная тиши?
Нам до глубокого снега
Еще по тайге брести
И слушать, как под ногами
Лист ивняка хрустит.
Как лоси идут к водопою,
Людских не боясь следов,
Как если шумят на месте
Будущих городов.
А дальше дело известное —
Асфальт и шуршанье шин.
И мы с тобой, как прохожие,
Постоим у газетных витрин.
Прочтем от строки до строчки
Страницы свежих газет,
Кого-то поддержим: «Точно!»
Кому-то ответим: «Нет!»
И снова в тайгу,
В увалы
Нас позовут дела.
Найдено очень мало,

Напрасной разведка была.
Может, ошиблись в чем-то?
Нет!
Нет!
Горы до выпада снега
Дадут ответ.
А ты все хмуришься, друже.
Дымишь,
Дымишь...
Как просветлеем, вспомнив
Эту ночную тишину!

МИШКИНА ИЗБА

Есть легенда, что в Мишкиной черной избе
Жил когда-то на Цильме старатель.
Сколотил из бродяг он ватагу себе
И песок промывал на речном перекате.
Голубые леса.
Золотые пески.
Быют каменья о ноги босые.
Гиус вконец одолел.
Подыхают с тоски
В глухомани пришельцы России.
Самородок нашли

(этак фунта на два)

И пошла кутерьма,
Заблестели ножи.
Понял старый, что тут не помогут слова:
Кровью залиты выходы проклятых жил.
Самородок он в омут забросил тогда,
Трижды плюнул и скрылся куда-то.
Кто он был и откуда — не скажут года,
Но народная память крылата:
Говорят, что остался на Цильме старик
Караульным несметного клада.
Хочешь встретиться с ним?

Так иди напрямик

Через топи,
леса,
снегопады.

Он давно тебя ждет.
Все, что хошь забирай.
Здесь богатств и на правнуков хватит.

Для тебя сохранил этот сумрачный край,
Как великую тайну, старатель.
Все узнаешь ты в Мишкиной черной избе,
Но в пути позабудь о себе.

НАД УХТОЙ

Ветлосян, гора Медвежья,
Не забыла ты,
Как по хвойникам безбрежным
Разнеслось: «Ух-ты!»
Разнеслось
И укатилось
В голубой туман.
Лишь на божескую милость
Уповал Иван.
Тот Иван. Каких бродило
Много по Руси.
Только бы с крестом могилу!—
Больше не просил.
Может, он — Иван безродный —
Родич мне прямой.
Я с утра брошу сегодня
Над рекой Ухтой,
Где от прошлого осталась
Дряхлая изба.
С чьей-то меткой завалялись
Два больших столба.
Пропитались нефтью,
илом —
Сберегла река.
Мы и жизнь перестолбили
На века.

*Письма с Мезени матери моей
Раисе Ивановне*

Опять ушел.

В себе замкнулась мать.

Хотя слезы не выронит она,

Хотя раздумья будут донимать,

Что жизнь сложна,

Ой, как она сложна.

Опять ушел.

«Ты не жалей меня,

Окинув взглядом желтые пески,

Где даже в полночь кулики звенят

С той первозданной северной тоски», —

Так мне в письме хотелось написать.

Но мать стара и не поймет она,

Что если в сердце тишь и благодать,

То грусть ему дорожная нужна.

Когда вернусь, заметишь, что не зря

Я вспоминал какой-то старый дом.

Мы — нищие, открыто говоря,

Когда без малой родины живем,

Когда спокойно в столбики анкет

Записываем села,

города,

Где ты родился,

Пробыл пару лет,

А то и вовсе даже не бывал.

Опять ушел...

Уже который день

Ты пробуешь понять: «Спешу куда?»

Я все же повидал свою Мезень.

Всего лишь раз, но все же повидал».

Далеко от тебя,
 За Тиманом,
 В деревушке, не помню какой,
 Встретил красного я партизана.
 По годам бы ему — на покой,
 Только он, седоватый, кряжистый,
 Не Илье, так Добрыне брат,
 Говорит: «Стала лучше жизнь-то.
 Как хотели,
 Пошло на лад.
 На два месяца раньше. Плохо ли?
 И погладил ладонью усы:
 Вон какую школу отгрохали!
 Всей деревне придаст красы.
 А ребятам польза огромная.
 Знанья — свет. Неученье — тьма!
 Мы свое начинали по-темному,
 Набирались в ликбезе ума.
 А в ликбезе том, помнят многие,
 Не учителька — кнопка была,—
 Вот такая! — но шустрая, строгая.
 На сурьезе вела дела.
 Я тогда был уже семейным,
 При лучине,
 В кулацкой избе
 Выводил под диктовку ейную
 «А» да «Б» да «В» — и робел,
 Как бы в буквах ошибки не сделать:
 От стыдобы подохнешь тогда...
 А рука карандаш не умела
 По бумаге водить — вот беда!
 Не боялся я белобандитов,
 Интервентов бил на Двине,
 А букварь, впервые открытый,
 Оказался вдруг не по мне.

Прошибало не раз до пота,
Но осилил и грамотным стал.
Предколхоза всю жизнь работал,
Ильича самолично читал.
Той девчушке вот так благодарен!
Сколько мучилась с нами она...
Вам-то что...
Вам открыла, парень,
Все пути-дороги страна».
А из школы несся упрямо
Колокольчика перезвон...
Показалось в то утро, мама,—
О тебе рассказывал он.

* * *

Как много дней нелегких, но счастливых
Здесь выпало на мой нежданный пай
В краю, где спят под застругами ивы,
Где по ночам песцы выходят на припай,
Где в парках городских жиরуют куропатки,
Олени нарты нас уносят вдали —
В леса, в снега, к брезентовым палаткам,
Где люди ищут сказочный хрусталь.
Я не его ишу, хочу найти другое,
А что — и сам сегодня не пойму.
Еще вчера желал уюта и покоя,
А утром все перевернулся в дому.
Где пимы?
Где рюкзак?
Душа простора просит
Не для того, чтобы в снегах уснуть...
В разливе буйных приуральских сосен
Нам встретить долгожданную весну.

ВОДА ЖИВАЯ

Доплелся все ж и первым делом
Всей грудью на валун прилёг.
Глоток-другой — и закипело,
Что и друзьям сказать не мог.
Лишь ты да я, да лес дремучий.
Глотнул, вздохнул и вновь припал.
Теперь дойду до самой кручи,
Осилю концевой увал.
Ни грамма сил,— и так бывает,—
А солнце — на плечах висит...
Твоя вода, вода живая,—
Она и мертвых воскресит.

УСТЬЯНЕ

Средь безбрежных лесов
И пьянящего запаха хвои
Есть Усть-Выми,
Усть-Немы,
Усть-Ижмы,
Усть-Вои.

И мне кажется все,
Будто слышу, как в сизом тумане
Окликуют друг друга
Друзья, северяне, устьяне:
— Как там сплав, Усть-Кулом?
— Как путина у вас, устьцилемы?
— Как дела, Усть-Уса?
— Что-то нынче не слышино Усть-Вома?
Окликуют друг друга
Друзья северяне.
Сколько речек в лесах,
А сливаются все в океане.
И лесным ручейком
К ним всю жизнь я спешу на свиданье.
— Труд на пользу, друзья!
Не нужна ли подмога, устьяне?

* * *

Ты не забыла, как глядели
Мы на дожди падучих звезд.
Метелью годы отшумели,
И задал я себе вопрос:
«А что же толку в них,
Падучих?
Они — отжившие миры.
Ну, чем они, скажите, лучше,
Вон той, что нам из-за горы
Шлет свет задумчивый и медный?»
Я рад, что все ж не опоздал
Взять в молодости ракурс верный —
Тобой любуюсь неизменно,
Моя Полярная звезда.

КОРОВИЙ РУЧЕЙ

Хвойников коми безбрежное море,
Гроздья рябины на рыжем угore,
Гул самолетов,
Тележные спицы —
Все это в памяти сердца хранится.
И снится.

Так что же все чаще мне снится?
Стучат в наволоках копыта коней,
И сизый дымок над огнищем клубится —
То наш неприметный Коровий Ручей.
Там из-за дальнего красного бора
Солнце взбирается утром на гору.
Студеной зимой от зари до зари
Купаются в белых снегах снегири.
Там у родных нешироких ворот
Мать почтальоншу под праздники ждет.
Над Севером снова курлыкают птицы.
В глазах от цветущих черемух бело,
И вновь по-сыновьи спешу поклониться
Тебе, неприметное наше село.
Мне снится удача на сёмушных тонях,
О стенки бидонов звенит молоко...
Я слышу, как ржут на поскотине кони,
Хотя от тебя далеко-далеко.

КОЛВА

И о тебе мне хочется промолвить
Словечко теплое издалека
На ласку неподатливая Колва,
Безвестная тундровая река.
Мы о тебе не вычитали в книжках,
Мы жили год на берегу твоем,
И хрюплю лаяло на буровые вышки
Еще людей не знавшее зверье.
На лютой стуже леденели лица.
Рвались троса, ломались дизеля,
И все же своего сумели мы добиться —
Нам голубой огонь дала твоя земля.
А ты спала.
Ты лишь теперь вздохнула.
Открыв глаза,
Смущенья не тая,
Ты зорькой, словно рукавом, взмахнула:
«Так я спала? Скажите — это я?»
А мы стоим усталые, в мазуте,
В плащах брезентовых,
В кирзовых сапогах,
А наш радист в балке
Опять пластинку крутит
О незнакомых дальних берегах.

ДЯТЛЫ СТУЧАТ

Где-то звонкие дятлы стучат,

Все смелее стучат,

Все сильней.

Нас зовут из Живого ключа

Напоить заморенных коней.

«Ветлы-ветлы»—

звенит по кустам,—

Пить-пить не перепить,

Пить-пить не перепить»...

На измученных жаждой губах:

«Быть! Быть!»

Загулял по-над степью рассвет.

Все напористей дятлы стучат

Нам с тобой через тысячу лет

У безвестного чудо-ключа.

Что же мы

Беглецы-степняки?

Нет. Непрядва от нас далека.

Мы в долине уральской реки,

Может быть, на тропе Ермака.

Кони ржут, ошалело хряпят,

Увязая в трясине густой,

А усинские дятлы звенят,

В беломошник зовут на постой.

«Ветлы-ветлы»— звенит по кустам,—

Пить-пить не перепить,

Пить-пить не перепить»...

Там, где в полдень раскинем свой стан,

Как положено,— городу быть.

Есть у меня одна слань,
Похожая на Лукоморье,
Где ты, как сказочная лань,
С хребтов спускаешься в предгорья.
Блеснешь копытцем и опять
Умчишь на годы долгие,
И вновь тебя искать да ждать,
А впрочем жить, как многие.
Других у нас полно забот,
Порой скажу спросонок:
«Кому-то счастье принесет
Наш олененок?»
И свиристели свиристят,
Как будто сам я — шалый,
а про тебя они твердят:
«Ты подрастай скорее, брат,
Ты будешь славным малым».
Помчим с тобой через леса
За горы,
За долины...
Нас ждет с тобой река Уса,
Сторонка лебединая.

ИНГУСУ

Слава собаки на кончике носа,
У человека — не в теплой избе.
Так что ж нас с тобою куда-то заносит
На заколдований этой гряде?
Ты жмешься к хозяину, словно не зная —
С неделю уже глухаря не видал,
А я и двустволки с плеча не снимаю,
Хотя по-соседству — беда.
Так что ж мы сидим, или сил маловато?
Не в духе и сами с собой не в ладу?
С рогатиной деды ходили когда-то...
Ну, хватит скучить — на медведя иду.
В жизни таежной случается разное,
Сюрпризы порой преподносит она.
Ну, хватит скучить: мы сегодня отпразднуем
Кончину бродящего тут шатуна.

* * *

Ветру можно деревья ломать,
Не потребуешь с ветра ответа.
Просидел я сегодня опять,
Прокурил у костра до рассвета.
И хотел бы узнать: может быть,
И с тобою случалось такое?
Нам приходится кровью платить
За хорошее и за плохое.
Каждый день, каждый час, каждый миг
За совершенное нами — в ответе...
Вздрогнул кедр и к утесу приник —
Безнаказанно буйствует ветер.
Над Тиманом гремела гроза
И чем ближе к рассвету — сильнее.
Я б тебе не о том рассказал,
Жаль, что слов подыскать не умею.

* * *

Приуралье,
Круг Полярный,
Свежий ветер бьет в лицо.
Поднимаясь над пекарней,
Дым свивается в кольцо.
К вечеру запахнет хлебом,
Испеченым на поду.
Мы получим сколько треба
На хорошую еду.
А когда закончим ужин,
Даже крохи соберем.
Мы с тобой, наверно, друже,
Скопидомами умрем.
Не из тех, что даже корки
Оставляет на столе...
Значит, не ходил в опорках
По распаханной земле.
Не таскал за ручку плуга,
Не возился с бороной,
Не подтягивал подпруги,
А порой ремень штаний.
Знаем:
 это не напарник
Нам на промысле песца...
Приуралье,
Круг Полярный,
Он у нашего крыльца.

* * *

Ты как хочешь, а я за малицу:
В ней просторно, уютно, тепло.
Если с нарт по дороге свалишься,
Пропадет желанье бахвалиться:
Мол, сквозь выногу шли напролом.
Сапоги, даже теплые, побоку.
Это тундра, а с ней не шути.
Натяни-ка ты лучше тобоки
Да ушанку из шкуры «бобика»,
Теплый шарф с собой прихвати.
Будет жарко нам,
Будет холодно,
Будет в пот бросать,
Будет — в дрожь.
А на речках встретятся полыньи,
Окунешься — вода, как полымя.
Может, там ты меня поймешь.

* * *

Там, где синеют гор Уральских кручи,
Орланы набирают высоту.
Там, где сейчас шумит поток могучий,
Пионы приполярные цветут.
Возьми в долину их — завянут тут же:
Они красивы только на корню.
Об этом ты поплачешь и потужишь,
А я другое в сердце сохраню.
В раю, куда замчали нас олени,
На кручах, где в июле снег падет,
С тобой я встретил родичей жень-шения,
Вернулась юность на какой-то год.

* * *

Испеки мне, мама, кулебяку,
Так, чтоб и румяна и жирна...
С корочкой, просохшей дочерна...
Снится мне в который раз она.
Испеки мне, мама, кулебяку.
Я ее на части разделяю,
Корочку от рыбы отделяю,
И закрыв газетой до обеда,
Попрошу друзей ее отведать.
Испеки мне, мама, кулебяку.
Я вдали от вас затосковал
По рыбакским парусам, по дому.
С моря, знать, пошел на нерест омуль,
Полегла от инея трава.
Испеки мне, мама, кулебяку.

Как наледь, жизнь плывучая и пестра.
Остаться можно посреди дороги.
Бинтуем обмороженные ноги
У чуть живого едкого костра.
А на востоке зорька заиграла
И солнца луч блеснул, как радостный привет.
По наледям Полярного Урала
К сокровищам его прокладываем след.
Звенят, как лист железа, рукавицы,
В сосульку превратилась борода.
И на ходу черемуха приснится
Да полая весенняя вода.
Мне хочется в пути, чтоб ты узнала,
Как я в горах тоскую о тебе.
По наледям Полярного Урала
Мы не идем,

бредем

к охотничьей избе.

Там сутками мы будем отсыпаться
И, если, прямо скажем, повезет,
Я две восьмерки передам по рации,
Как чуда, поджидая вертолет.
Целую крепко, милая, целую.
Мы все же одолели перевал.
Сегодня утром вышли напрямую
К сокровищам, каких никто не знал.
И ты о них, наверно, не мечтала,
Хотя со мной прокладывала след
По наледям Полярного Урала
Не год, не два, а много-много лет.

Все сильнее на улице тает,
На рассвете густеют туманы.
С громким свистом утиные стани
День и ночь летят над Тиманом.
И опять не найду покоя,
Мне сегодня все по плечу...
Голубаном к тебе прилечу,
Половодью дорогу открою.
Зашумит,

забурлит оркестр —

Позаледных вод быстрина.
Ничего, что блестит седина
На груди, как чалдонский крест.
Говорят, кто родился с ней,
Будет в жизни на все тароват.
Я смеюсь — нет приметы верней.
Люди попусту не говорят.
Это дальней дороги знак,
За удачу в ней порадей...
Птиц ведет сквозь туман вожак
На какой-нибудь Варандэй.
Что их тянет, скажи, туда?
Я послушаю,
Помолчу.
Я такое в тебе увидал,
Что отныне все по плечу,
Понял,

радость моя и надея,
После горьких упреков твоих:
В наших судьбах — свои Варандэи,

Неприметные для других.
К ним спешить сквозь дожди и туманы,
Сквозь пургу и шальной гололед.
Если в сердце звенят голубаны,
Значит, наше от нас не уйдет.
Что-то долго не пишешь, далекая,
Брошу все и к тебе прилечу.
От растерянности проокаешь:
«Окаянному
Все по плечу».
Пусть соседки болтают разное,
Не для нас оно,
Не про нас...
Мы с тобою свадьбу отпразднуем,
Всем чертям назло,
В сотый раз.

* * *

Г. Высоцкой

Дикие,
Зыбкие,
Древние горы,
Надолго покину я вас
Скоро-скоро.
Снова я в город далекий уеду.
Забуду про пабеди
И про беды.
Сомнения — прочь,
А тоску — в изгнанье,
Надежду — в рюкзак,
И в снега отчаянье.
И разнесется над тундрами эхо:
«Он снова уехал,
Зачем он уехал?»
Но я же вернусь к вам,
Хотя и не скоро,
Угрюмые горы,
Целебные горы.

ВСПОМИНАЯ ТОБЫСЬ

За окном метелица,
Небо замоложено,
И самим не верится,
Сколько поизброжно
По крутым увалам
Было в эту осень.
Снега понапало,
Вязнут даже лоси.
И самим не верится,
Что опять в автобусе
Мы под шум метелицы
Говорим о Тобыси.
Где-то ходят в малицах,
в лётных куртках кожаных...
Нам опять мечтается
О путях нехоженых.

ПИСЬМО ИВАНУ КИЛЬДЮШЕВУ

Сколько земли по болотам истопал,
Мне, как о рае земном рассказывал:
«Повернусь налево — Европа,
Повернусь направо — там Азия.
Местечко — нигде не отыщешь лучше.
Живи потихоньку,
Спокойно работай.
Два домика.
Мачты.
Снежные кручи —
И почта в три месяца раз вертолетом.»
Сегодня ты рябчиков стреляешь —
в Европе,
Завтра тайменя блеснишь —
уже в Азии.
Здесь не надо весной бояться потопа,
Лишь обвалы частенько бывают разве.
Я снова, Иван, хотел бы забраться
В такое местечко, как Верхний Щугор,
Чтоб метеосводки давать по радио,
Сердиться, когда отвечают: «гухор!»¹
С тобой я живу по соседству,
Уралом, как ты, я с мальчишеских лет околдован,
К отрогам его словно цепью прикован
И в самом большом,
И в застенчивом малом.
Пора бы уже отдохнуть на юге,

¹ Гухор — не слышу (радиокод).

Но если появиться вдруг оказия —
Найдешь для меня местечко на Щугоре,
Где слева — Европа,
А справа Азия.

чернышев ручей

СОСЕНКА

Здесь раньше сосенка стояла,
Где пели птицы,
И надо было в час обвала
К реке свалиться.
Здесь насмерть кедр разбился даже,
Был смят обвалом,
А сосенка, любой покажет,
Все ж устояла.
К реке сползла, к воде припала,
Холодный камень
Обняв ветвями в час обвала,
Как руками,
Пустила новые отростки,
Повеселела —
Уже не страшен ветер хлесткий...
Вот это дело.

ПУНОЧКА

Еще блестит на ёлках поздний иней
И снег на землю выпадет не раз,
Но ветер стал какой-то свежий, сильный
И сердце песней пуночки потряс.
В той песне колокольчики звенели
О запоздалой северной весне.
Прошла зима. Мы даже не сумели
С размахом русским попрощаться с ней.
А как прошла? Мы не смогли заметить.
Жизнь пролетит — руками разведем.
А пуночку на Полюсе приветят
И назовут полярным соловьем.

ТАГАНОК

Как одинец закоренелый,
Не сбросив даже снега с плеч,
Стоит таганчик обгорелый,
Немой свидетель наших встреч.
Мы здесь давненько не бывали
И не сидели у огня,
Не ссорились, не ревновали,
Кого-то третьего кляня.
И вот, костра не разжигая,
Сижу и думаю когда,
Все воскрешая, возвращая,
Нахлынет паводок сюда.

ЗАЗИМОК

Что же это? Опять пустые.
Лишь одна трескотня кругом.
Все притихло на Маче, застыло,
Вместо выстрелов — ледолом.
Убывает вода и от этого
Тонкий лед по кустам трещит.
Тело снова на холод сетует,
Хоть тулуп из деревни тащи.
И откуда морозу взяться бы?
Холода стоят.
Холода.
Но погода скоро сломается —
Запоет,
Оживет вода.

* * *

Какая тишина! Такой я не знал
И даже в милом деревенском доме.
Ты слышишь — к солнцу тянется трава
И лопаются почки у черемух.
Вторую ночь сплошная тишина.
Мы лишние сейчас с тобой на Маче.
Стать матерью готовится она.
Дни ожидания — как много это значит!
На гнезда сели птицы.
Тишина.

КОСАЧ

Он токовал, не видя ничего.
Он в драке был неистов, неуёмен.
Из караулки, лежа на соломе,
Я восхищался буйностью его.
Кружились перья и алели брови,
А, может быть, не брови —
Капли крови.
Все улетели. Только он остался,
В своей любви кому-то признавался,
Чертит круги большим крылом своим.
Я не стрелял.
Я любовался им.

* * *

Ты ни слова давно не пишешь.
Ничего не слыхать о тебе.
Вьет гнездо трясогузка
под крышей.
Бурундук поселился в избе.
Не появившись в тихий вечер
Там, где птицы весну поют...
В это утро я волчьей картечью
Сшиб, как зверя, тоску свою.
И с тропинки на просеку вышел,
Где увидел пролет лебедей...
И хотя ничего не пишешь,
За удачу нам порадей.
Все как будто обыдено просто,
Но услышишь еще не раз,
Как Усть-Цильмы и Княжпогосты
Сказки рассказывают про нас.
Зарастают тропинки наши,
Как избушка эта, быльем.
Но не ты ли мне издали
машешь
На заре лебединым крылом?
Не твоей ли улыбкой светятся
У тиманских предгорий леса?
Письмецо получить не терпится
Хоть я сам не люблю их писать.
Я иду по знакомой просеке,
Что когда-то с тобой прорубил...
Как-нибудь пробудем до осени,
Все у нас еще впереди.

ВЕСЕЛЫЙ КУТ

Куда нас только ноги не уносят.

Уже темно.

Пора к огню присесть.

Веселый Кут, ты вновь встречаешь осень,

А помнишь, как я заблудился здесь?

Мальчишкой был.

Мне стало страшновато.

Я озирался около огня.

Казалось мне: шумят не перекаты,

Вот-вот медведи слопают меня.

А утром речка присмирела сразу,

Услышал я: дуплетами палят.

И напролом пошел,

Звериным лазом,

Через кусты, где тесно от маслят.

Сижу сейчас и поджидаю снова,

Как в сторону тропинки побегут...

Возьми меня и закружи сосновый,

Березовый,

Малиновый,

Еловый,

Веселый Кут.

НАЙДЫШУ

Вернулся к столу от порога
И хлеба горбушку в карман,
И снова зовет дорога
В молочный, густой туман.
Забудем про песни застольные,
Встретим в тайге зарю.

— Что там для нас уготовлено?—
Найдышу я говорю.—
Дичи тяжелая связка
В стареньком рюкзаке.
За каждым кустом по сказке,
За каждым ручьем — по строке?
Эх! Найдыш, а я приехал
На три каких-то дня.
Ты не стал пустобрехом
С безделья тут без меня?
Хватит тебе ластиться,
Дело мне подавай...
С пригорка взлетела птица,
Послышался звонкий лай.
Я не спешу.
Я знаю:
Богата Глухая падь.
А Найдыш-то все понимает,
Только не может сказать.

ДРУЗЬЯМ

Рябиновых ночей слепящие ресницы,
Глухая тишина озер лесных
Отныне будут долго-долго сниться —
Они мне ближе взбалмошной весны.
Теперь не разумом, а сердцем понял —
Былинке каждой здесь я кровный брат...
Сохатые, как разнотравье кони,
На утренней росе осинники тропят.
Здесь много тайн, еще ответа ждущих,
Здесь каждый день бывают чудеса.
И с каждым годом все сильней, все пуще
Я рвусь душой в сосновые леса.
А в их разливе слышу шум прибоя,
Как в море уходящую волну...
Мой край,
Медвежий край,
Пока в ладах с тобою,
Ни при каких ветрах не утону.
Зарницы лишь на миг
И тишина на час,
И пусть они мне будут долго сниться,
Не ради них с тайгой знакомлю вас,
А ради зорьки — гордой, звонкой птицы.
Все реже крыльев взмах,
Все шире круг.
Все выше, дальше улетает птица...
И все поет, и все звенит вокруг,
Навстречу зорьке утренней стремится.

* * *

E. Смирнову

Над черным лесом клик печальный,
Над быстрой речкой круг прощальный,
На сердце смутно и тревожно,
И сам с собою не в ладу —
Куда иду, зачем иду,
И что в урочищах таежных
По снегу первому найду?
Там будут холод и метели,
Но как сомненья не спрягай,
Но это тот заветный край,
Где у плетенки-колыбели
Мать напевала «баю-бай».
Грустишь, что птицы полетели,—
Над черным лесом клик печальный.
Над быстрой речкой круг прощальный —
Они вернутся в этот край.
Да, первый снег всегда пугает,
Но этот снег еще растает,
Он не таит в себе беды,
Лишь учит относиться строже,
Чтоб день на день не стал похожим,
Хотя не сделает моложе,
Но в нем и кроется, быть может,
Исток твоей Большой воды.

* * *

E. Смирнову

Покраснели листья на осинах,
Ветер стал холодным и упругим...
Через нас от вашей речки Сыни
Гуси с криком потянулись к югу.
А в бору на зорьке мозгловатой,
От меня осинником укрытый,
Заревел сохатый хрипловато
И ударил о сосну копытом.
Гуси улетают, а для лося
Наступило время ликованья.
Так скажи мне, что ж такое осень —
Расставанье? Встреча? Ожиданье?
Беспокойно шепчутся осины,
А сосняк — тот словно именинник.
Этой ночью выпал первый иней,
А у вас, наверно, снег на Сыне?
Осень, осень... Что ж она такое?
И за что ее люблю — не знаю.
Я капканы протираю хвоей,
На тетеру пасти запускаю.
А на Сыне, приуральской речке,
Вновь тебе, как другу, пожелаю —
Отыщи волшебное колечко,
Что дорогу к счастью открывает.

У МЕДВЕЖЬЕЙ РОССОХИ

Я хочу еще раз убедиться
По приметам осенней зари,
Что живет в беломошниках птица,
Зарастают сосновой пустыри.
Понаделали мы их немало —
Оправдания этому нет.
Нам природа во всем доверяла,
Но один не открыла секрет,
Что не любит излишнего шума
И на зло отвечает злом.
Кое-кто из моих односумов
Продолжает идти напролом.
Зарастают лосиные тропы,
Исчезают медвежьи следы.
Здесь я каждый овражек истопал
И отведал живой воды.
У вершины Медвежьей россохи
Был когда-то прозрачный родник,
А теперь слышу ахи да охи,
мол, остались лишь пни одни.
Ты взобрался на крышу избушки,
Но меня не зови, не кричи.
Верь, что рядом живет сиводушка,
К водопою идут сохачи.
Каждый шаг наш они подмечают
В этот тихий, предутренний час...
Кто из зарослей иван-чая
Поглядывает на нас?

Тишина, тишина какая —
И всего с полчаса до зари...
А избушка-то в землю врастает,
И кругом пустыри,
Пустыри.

* * *

Вьется сизый дымок над огнищем
У заброшенной, ветхой избы.
Что мы в сумрачных ельниках ищем,
Где не водятся даже грибы?
В сказку русского леса поверили
И в предания жизни былой,
Но тропинки к былому доверию
Зарастают болотной травой.
Все избражено кем-то, встревожено.
Я такого еще не видал,
Чтоб следила тайга настороженно —
Для чего мы явились сюда.
И на доброе наше огнище
Не бежит с любопытством лиса,
Лишь шелоник¹ над пустошью свищет,
Где шумели когда-то леса.
Сказки русского леса не стало.
Что ж мы детям оставим, братан,
Если смотрим печально, устало
На забытый охотничий стан?

¹ Шелоник — юго-западный ветер (сев.)

Я бродил по едоме,
По лесам еловым,
Как и сам не ведаю,
Заблудился снова.
Ни дорог,
Ни выстрелов,
За лесные топи
Завела нечистая
По звериным тропам.
Я венок из мяты
Подарил осинке.
Видя, что сохатый
Надломил рябинку,
Травяной на ранку
Наложил я жгут:
«Ранки, северянка,
до свадьбы заживут».
Где бродил, не ведаю,
Далека опушка,
Но открыла едома
Старую избушку.
Растопил я каменку,
Слушая с порога,
Как искали заиньки
Для меня дорогу.
Утром я к деревне

¹ Едома — домашний, покрытый чернолесьем берег (сев.)

Шел по их пометкам,
И в лицо деревья
Не хлестали ветками.
Не взмахнул ни разу я
Острым топором...
Есть закон у едомы:
За добро —
добром.

* * *

Бывает: даже звезды плачут,
Им ночью некого стыдиться...
Я в заповедных дебрях Мачи
Всю жизнь искал перо жар-птицы.
Кто к поискам таким причастен,
Тому доказывать не надо:
Взамен жар-птица дарит счастье.
Становится твоей отрадой.
И я вернул перо жар-птице...
Припав к увалам, звезды плачут,
Все серебрится,
Все искрится
Под тихое журчанье Мачи...

Не надо радости стыдиться!

* * *

видео, сухо, изящно, чисто
и ясно, говорючи языком
старин. Языкъ этотъ вѣкъ

Г. В. Носову

Далеко от дедовой избушки
Подавилась голосом кукушка,
А потом под громъ июльскихъ
гроз

Я сюда в руке корзинку нес.
И теперь она полнымъ-полна.
Чем же здесь наполнилась она?
Ах, какіе были тут грибы!
По утрамъ вокругъ твоей избы
То и дело слышалось «ау!».
Приминая на лугахъ траву,
Сколько здесь односельчанъ

прошло.

На меня ж, как говорятъ, нашло.
В боръ зайду и самъ себе кричу:
«Не могу понять, чего хочу».
Но пришла пора, ударилъ дождь,
Былъ тот дождь несказанно

хорош:

Заливая низкие мыски
Речка разметала все мостки.
Стало тихо-тихо, и тогда
Выбралъ я в напарники дрозда,
От куста бродилъ я до куста,
Но корзинка все была пуста.
А теперь она полнымъ-полна.
Чем же здесь наполнилась она?
Я и самъ, Васильевичъ, не зналъ,
Сколько песенъ тут насобиралъ.
Здесь никто уже не мнетъ траву,

Сам готов теперь кричать: «Ау!
Помоги добраться до реки!»
В темноте мерцают огоньки
И к себе зовут: «Пора! Пора!»
С тишиной простился я вчера.
И, как лебедь белый, теплоход
Не меня ли у причала ждет?

* * *

B. Денисенко

Что хочешь ты от перелетной птицы?
Весь год ее не удержать

в тайге,

Хоть испокон веков она

гнездится

В густой осоке на Кривой Ноге.

Кто так назвал таежное болото,

Не знаю я и не узнаешь ты,

Но мы опять с тобою на охоте,

Роняют лист ольховые кусты.

Еще денек и улыбнешься:

«Трогай!

Да возвращайся все же

поскорей!»

Межоблачная дальняя дорога

Совпала вновь с отлетом лебедей.

Вновь забелели, словно хлопья

снега,

На фоне чернолесья и тайги,

Где я с тобой босым по тропке

бегал.

Все позабудь, но детство береги.

Не нужно в жизни расставаться

с детством,

Хотя уже белеет снег вокруг,

Ведь с ним, далеким,

где-то по соседству

Еще удачи наши бродят, друг.

* * *

Здесь в былъ превращаются сказки,
И я эту былъ берегу.
Здесь летом анютины глазки
Цветут на заречном лугу.
Здесь блеснами ловят не щуку,
А нельму в косую сажень.
В тайгу от моторного стука
Спокойно уходит олень.
Оглянется, фыркнет — и в гору.
Двустволку не вскину к плечу.
Отсюда, мне кажется, скоро
На печке к тебе прилечу.
Спесивое имя — Василий —
Окутает белый туман.
Здесь люди меня научили
И жить и любить, как Иван.
Тот самый, что без промедленья
Добру откликался добром.
Везенье, хотенье, веленье —
Не вырубишь топором.
Здесь в былъ превращаются сказки,
В чапыжнике слышу: «Не трусь!»
Брожу по лесам без опаски —
И только медведя боюсь.
Живет тут один косолапый,
Ну, мял бы себе зеленя,
Так нет же — лосенка зацепал
Почти на глазах у меня.

ГОЛУБАНЫ

A. Рекемчуку

Вот и пролетели голубаны,
Отшумела на реке шуга,
Из своей избушки утром рано
Я навстречу солнцу зашагал.
Вновь ледок трещит под сапогами
И бруслика тает на губах.
Затеряюсь — вспомните про Камень,
Где стоит охотничья изба.
Там найдете соль,
Коробку спичек,
Котелок,
Котомку сухарей.
Там я жил,
Там лакомился дичью,
В ельниках выслеживал зверей.
За окном избы шумели ели,
По утрам ревели сохачи,
И зарю свистели свиристели,
И журчали в тишине ручьи.
Там куница бегала по бровкам,
Выдра бултыхалась по ручьям.
В городе я лишь в командировке,
Без тайги давно б уже зачах.
Сколько раз все это повторялось:
И бежал из города сюда,
Сбрасывала с плеч моих усталость
Ярая таежная вода.
Затеряюсь — не ищите где-то:
Если на реке шумит шуга,
Значит, снова я в избушке этой,

Заманила в глубь свою тайга.

Над рекой морозные туманы.

Я да лайка.

Мы опять вдвоем.

Да грустят на юге голубаны

О весне, о севере моем.

Север стоит, чтоб о нем грустили,

Север стоит, чтоб к нему рвались.

Скажем после: здесь мы жили-были

Не какой-то месяц, а всю жизнь,

Листопад бушует,

Листопад.

За листопадом будет снегопад.

На огнище слышно, как вдали
Третий день курлычат журавли.

Вспоминает Чернышев ручей

Тишину рябиновых ночей.

Тишина была, зато теперь

Стоит приоткрыть в избушку дверь
Под тревожный бурундучий свист,
Залетает в сенцы желтый лист.

Сиверок гуляет,

Сиверок.

Разожжем-ка в печке огонек

Да чайку согреем, а потом

На лежанке час-другой вздремнем,

Для здоровья это не во вред.

Сколько лет, дружище, сколько лет.

Словно перед кем-то виноват,

Не встречал с тобою листопад.

Снова здравствуй, Чернышев ручей.

Ты как будто спрашиваешь «Чей!»

Я же твой давнишний, старый друг,

Мне березка каждая вокруг

Тут знакома. Здравствуй, мой родной,

Я пришел, как прихожу домой.

Нам еще с тобою встретить, брат,

Ласковый и тихий снегопад.

* * *

Ты помнишь, как забыли про охоту,
О чем, уже не помню, говоря,
И только Ингус продолжал работу,
Облаивал на взгорке глухаря.
Так что ж ты не стреляла?
Что с тобою
Творилось в ту прозрачную зарю?
Из сердца как-то вырвалось такое,
Чего я вслух уже не повторяю.
Глотком воды студеной из колодца:—
«Как было все, так остается пустъ».
А Инге тugo без меня придется,
Ты навести его, когда нахлынет грусть.
Он знает много, понимает много,
Лишь даром речи он не наделен,
Когда я вещи собирал в дорогу,
Казалось мне: все ждал кого-то он.
И перед ним пришлось тогда раскрыться,
О самом сокровенном говоря:
«Не жалко, Ингус, улетевшей птицы,
А жаль, что затуманилась заря».
А ты? Как ты?
Еще не сушишь весла?
И не спеши, а посмелей плыви.
Про остальное потолкуем после.
А если нужен буду — позови.
Сентябрь опять в мои стучится двери,
И ты опять на север позвала.
И снова в путь,
И не могу не верить

В удачу жизни —

добрые дела.

И про тебя, красивую такую,
Не раз, не два в дороге запою.
...А глухари весной еще токуют?
А ты собаку сберегла мою?

* * *

Не сразу скажешь, как случилось это...
Все было в жизни ладно до поры,
Пока над городом не отшумело лето
И не исчезли в парке комары.
Я сгреб в охапку письма и бумаги —
Все в чемодан и, радость не тая,
На всю получку взял в универмаге
Фуфайку, сапоги,
Припасы для ружья.
Я ухожу. Душа простора просит.
Я пойман им, как нельма на блесну...
Запахла хвоей лиственницы осень.
Косач поднялся — и огонь блеснул.
Я не промазал. Я еще умею
На мушку брать и нажимать курок...
Огонь костра мои ладони греет,
И раздувает пламя ветерок.
Шумит река. Прогулка филин в чаще.
С усталости бросает в пот и в дрожь.
...Где бы не жил ты, и как бы ни был
счастлив,
Себя от мест родных не оторвешь!

* * *

Никогда бы, наверно,
стихов не писал,
Если б мне не попала
на мушку лиса.
Словно солнце,
сверкнула пушистая ость.
И мальчишечье сердце
огнем занялось.
Сдал в контору ее,
получил сто рублей,
А в придачу —
великую радость друзей.
Накупил себе пороху,
дроби тогда,
Половину припасов
мальчишкам раздал.
«Мне нисколько не жалко,
За так отдаю...»
И стихи написал
про удачу свою.
Дорога мне
не старая сотня рублей
Я поверил тогда
в настоящих друзей.
...Задушевное слово —
добычу свою,
Как припасы, с тех пор
я друзьям раздаю,

* * *

Когда шумит раскидистый сосняк,
Синеют звезды
над таежным краем,
Да прoberет до косточек
сквозняк,
Мы почему-то юность
вспоминаем.
Горит костер. Перебираем
мы
Зеленых лет волнующие
были —
Как мы росли,
как девушек любили,
О чём в те годы
не мечтали мы.
Опять в бора слетелись
глухари.
Вечерней дымкой
горизонт окрашен.
Конца не будет
молодости нашей,
Пока шумит сосняк...
Гори костер,
гори!

* * *

Взглянул в окно — белым-бело.
На горку вышел — тихо-тихо.
Тропинки снегом замело.
Не хрустнет под ногой брусника.
Зима?
Но этот снег сойдет.
Вновь гуси закричат в тумане.
Еще не начался отлет.
Брусника?
Только слаще станет.

* * *

Полоскала девчонка белье, полоскала,
А глазами над речкой кого-то искала.
Может, слышали только осока да ветер:

Кто ты?

Где ты?

И несмело откликнулся я синеокой,
И на голос ее поспешил издалека.

Вышел к речке, срываю листки краснотала.

А девчонка все так же белье полоскала.

Только руки быстрей у нее заходили,

Да испачкала белую кофточку в иле.

Это было давно.

Нам уже не шестнадцать.

Скажешь: вздумалось тоже в любви

объясняться.

Речка юности нашей!

Поглотила ее голубая осока.

Но сейчас, проходя над знакомой излучкой,

Снова вспомнил я смуглые девичьи руки.

Снова вспомнил, как ветром осоку качало,

Как девчонка однажды белье полоскала.

И спросил, заглянув в уходящее лето:

Кто ты?

Где ты?..

НЕЗНАКОМЦУ

Я видел это наяву
И мне еще не раз приснится,
Как кувырком летит в траву
Свинцом осыпанная птица.
Забьет в кустарнике крылом,
И он от крови заалеет.
Шофер полезет напролом
Туда с пятнистым спаниелем.
Но птицу, сбитую тобой,
И спаниель найти не сможет.
Не гладь изнеженной рукой
Ружья ореховое ложе.
Ты не охотник. Вскидку брать
Тебе бы в тире поучиться.
А нам искать и врачевать
Тобой подраненную птицу.

* * *

Снега вокруг,

Снега.

Да свищет ветер;

Пора такая стуж декабряских хуже,

Но с каждым днем все ярче солнце светит,

И куропачьим гамом чахлый лес разбужен.

Снега вокруг.

Снега.

Метели. Переносы.

А мы-то верили, что март приносит диво.

Но погляди: на каменных откосах

Уже во всю синеют почки ивы.

Какое мужество, какую надо силу

Иметь в себе, чтобы вскормить побеги.

И как у ивы дерзости хватило

Пробиться к солнцу первой из-под снега?

ЖАЖДА

Ты удивлен, что я молчу,
Зато вовсю звенят синицы.
Сохатый к Белому ручью
Спешит сквозь ельники напиться.
Спокойную синичью звень
Сохатый слышал не однажды:
Он в этом месте каждый день
Под вечер утоляет жажду.
Попьет, пофыркает — и в снег,
Довольный всем, вздремнет устало.
...Мы счастье пьем из многих рек,
А все нам кажется, что мало.

* * *

Опять не смог найти
Я пару нужных слов...
Так к вечеру к избе
подходит зверолов
С обхода долгих путиков¹ своих.
Усталый и продрогший до
костей,
Он у зимовья замедляет шаг.
И вскоре, как великий чародей,
Растапливает сушняком очаг.
И каменка так весело гудит.
В избе становится тепло
за полчаса,
И не таит он на тайгу обид.
И не жалеет, что ушла лиса.
Следы хвостом засыпала,
Ушла.
Найдет ее он завтра,
Не найдет,
Но утром снова двинется
в обход:
Вся жизнь его охотничьи дела.
По-своему я тоже зверолов.
Бывало всякое в делах моих.
Опять не смог найти
Я пару главных слов.
Вернусь домой, и ты
Опять подскажешь их.

¹ Путик — охотничья тропа (сев.).

* * *

В этот последний денек,
Перед дальней дорогой,
Присядем-ка на пенек
Да посидим немного.
Так издавна повелось,
А для чего не знаю.
Пасется сегодок-лось
В зарослях иван-чая,
Выдра прошла через лес
И скрылась в глухих болотах,
А горностай залез,
На старую ель с чего-то.
Присядем-ка на пенек
Да помолчим немного,
Чтоб этот лесной уголок
Вспомнить не раз в дороге.

* * *

Матери моей Раисе Ивановне

Я за дело взялся, оно за меня,
И еще не верится в удачу.
Над обрывом крылья ласточек звенят.
Половодье — как же быть иначе.
Всем гнездиться времяя. Торопит весна.
Я же из леса принес деревцо.
Крохотное...
А вырастет красавица сосна.
К ней прижмется кто-то горячим лицом.
В белую, прозрачную, тихую ночь
Вспомнит в этот вечер о ком? О чем?..
Я бы тоже так постоять не прочь
Да, буду к тому времени глубоким стариком.
А может, и не буду. Не стоит гадать.
Неисповедимы судьбы людей.
Ты за непутевого не волнуйся, мать,
А за эту сосенку порадей.
Пригляды за ней. Вспоминай меня.
Фарта пожалей в нелегком пути.
Над обрывом крылья ласточек звенят,
Мне же к вертолету пора идти.
Маленькое дело, а сколько хлопот,
Если с ним до этого не был знаком.
Пусть сосенка наше буйно в рост пойдет,
Вспыхнет для кого-нибудь зеленым огоньком.

ЧЕРТОВ КАМЕНЬ

Я все же нашел потерянный ток.
Через болота непроходимые
С рюкзаком на спине,
Не жалея ног,
Тroe суток к нему пробирался как мог,
Чтобы увидеть неповторимое.
Перед рассветным задумчивым мигом.
В это время глухарь начинает песню.
Он, кажется, древнюю тайну постиг,
Нашел никому неизвестное.
Послушай его — не забудешь вовек.
Как рукою снимает усталость.

Я тебя приглашаю в тайгу, Человек:
В мире мало уже глухарей осталось.
Исчезает за током ток.
Неужели нельзя помочь?
Время каждому дать зарок:
Не расстреливать белую ночь.

Смолистых стволов огневая медь,
Чахлый снег,
Глухариная песня...
Все понять,
Все принять — это надо уметь.
Но как же без неизвестного?
Чертов Камень, тебя я ищу давно,
Ты окутан легендами словно мхами.
Нашел...

И покуда еще темно
Прохлюпал в сторону сапогами.

Черт совершенно здесь ни при чем,
Не страшны его наваждения,
Но я раздвинул ветки плечом
И у тебя попросил прощения.
До чего же все же хитры старики —
Егера ношу на черта свалили,
Чтобы рука не взводила курки,
Чтобы последних не перебили...
Если услышишь ты стои глухаря,
Глянешь на жизнь по-другому.
Про Чертов Камень не зря говорят:
«Кто тут побывал —
 тот Нечистому брат,
Тому уже не сидится дома».

надея́ть

* * *

Море дремлет. Руки стынут.
Морось. Полумгла.
Чайка сбрасывает иней
С белого крыла.
И, высматривая сети,
Рыбаки поют
Про какой-то синий ветер.
Про весну свою.

ПУТИНА

Костры замерцали в заречье,
Палатки дрожат на ветру,
Гудят бережничего плечи
От бечевы поутру.
Домой бы да в баньку парную,
Да так бы себя похлестать!..
Да дернуть бы чарку, другую,
А там — именинником стать.
Но кормит не осень — неделя,
А в этой неделе — заря...
Ладони остыть не успели —
И снова мозоли горят.
И тот не мужик, кто в путину
Бежит за чекушкой в ларек,
Кто всякие там именины
Позднее отметить не мог.
Поморов обычай старинный,
Он радовал с детства меня...
Пройди, наша жизнь, как путина,
Как полная рыбы тоня.

* * *

Если ты родился в катагаре —
Полотняном доме рыбака,
Если ветер в этот час удариł,
Молнию принес издалека,
Прошумел на вешалах сетями,
Вымыл их,
почистил и ушел
За хребты,
За тот былинный камень,
Где нашли алмазы — хорошо!
Если шторм осенией темной ночью
Злобно бросил карбас на пески
И прибой на тех песках грохочет,
Разнести сулится на куски,—
Скинешь с плеч угрюмую усталость,
Смотришь — выход из беды нашел.
В жизни нашей всякое бывало,—
Лишь под старость вспомнишь...

Хорошо!

Если мне в пути придется тugo,
Потянусь к тебе издалека —
И почую рядом локоть друга
И услышу голос земляка:
«Если ты родился в катагаре,
Если в братьев-северян пошел,
Будь всегда, как говорят, в ударе,
Что бы ни случилось —
хорошо!»

ХАБАР

Забыто древнее «хабар»,
Не верим в шалую удачу,
Но по дороге в Нарьян-Мар
Я думать стал о том иначе.
Юнцом в Хабарово живал,
Где сполохи горят ночами.
Покрытый наледью увал
Нас щедро одарял песцами.
Еще не раз я вспомню год:
В час предрассветный тихо-тихо
К песку приткнулся пароход
И я услышал: «Хабариха!»
Как будто встретился с родней,
Где нет предела хлебосолью,
Был поначалу пир горой,
А после тихое застолье.
«Хабарово» да «Хабариха»
Остались нам от тех времен,
Где всюду царствовало лихо
Под звон мечей и похорон.
«Хабар» удачу означало,
Кидало в жаркие дела.
Я тутошний.
В моем начале
удача спутницей была.
Не потому ли, не с того ли
Глаза яснее с каждым днем,
Что мы, не зная тяжкой доли,
Во весь размах души живем.

КОРМИЛИЦА

Семга идет! Эта весть облетает
Прибрежные села за сутки порой.
Глядим, как, на солнце боками сверкая,
Взлетает она над зеленою волной.
А ей не до розовых красок рассвета,
Не просто резвится она поутру:
Ей нужно к верховьям добраться за лето,
Разбиться, но в речках оставить икру.
Семга идет!— На пески выезжаем.
Займемся отныне починкой сетей.
Идет!— Значит будем опять с урожаем.
Дорогу даем, низко кланяясь ей.
Поближе к зиме возвратимся на тони,
Кормилицу нашу помянем добром,
Не раз и не два еще невод затонет,
Набитый живым серебром.

МЕДВЕЖКА

Морось.

Желтые листья смородины.

И тропинка, как будто не та.

Сколько ж верст от поселка

пройдено?

Темнота.

А во рту ни росинки маковой,

И тоска берет за бока.

Заблудился.

Бывает всякое.

Про ночлег подумай пока.

Ждать придется рассвета

мглистого.

Не туда, наверно, зашел.

Утром в небе ни облачка —

Чистое.

Мать честная, как хорошо.

Только синь надо мной,

да коршуны,

Да трава по плечо вокруг.

А луга-то остались

некошены,

Нам добраться до них

недосуг.

И забыв про кустарники

колкие,

И про то, что давно

не курил,

В воздух я разрядил

одностволку,

Словно новую землю открыл.

АПРЕЛЬ

Шумит метель апрельская, сырая,
На улицах опять темным-темно,
Но вскоре всюду ледоход взыграет
И тундра распахнется, как окно.
Всего лишь луч чуть выглянул из тучи,
А сколько людям радости принес.
Морозец по ночам еще колючий,
А днем скулит метель, как одичалый пес.
Шумит метель апрельская, сырая.
Шумит метель,
 что остается ей,
Когда, места гнездовий выбирая,
Над тундрой кружат стаи лебедей.

* * *

Прошли вчера последние няпой¹
К морской губе вдоль нашего села.
Следы полозьев, зелень сбитой хвои
Метель под утро снегом замела.
Оленеводы окликали лаек,
Гоняющих оленей по реке,
А я плясал под гомон балалаек
И что-то пел о русском мужике.
Ни встреч с тобою больше,
Ни прощаний.
Я эту ночь запомню навсегда.
Огнем горит полярное сиянье
И с неба чья-то падает звезда.
А может быть не падала — всходила,
Лишь на минутку скрылась за увал?
Не верится, что это с нами было —
С оленями ходили за Урал.

¹ Няпой — олений обоз (сев.).

* * *

Чуть мерцает над синим увалом
Путеводная наша звезда,
И поют о тебе, как бывало,
Уходящие в ночь поезда.
Да все чаще и чаще мне снится
Зоревая улыбка твоя,
Да звенят над палаткой синицы
Про бескрайние наши края.

НЕОТПРАВЛЕННЫЕ ПИСЬМА

1

Ты в час предутренний вошла
Без приглашения, без стука —
И шею обхватили руки,
Планшетку сбросив со стола.
Ты занавески подняла
И настежь окна распахнула,
Как в сказке, рукавом взмахнула —
И в небе зорька расцвела.
Пусть это выдумка, но все же
Она с действительностью схожа.

2

Я ухаживал,
Я обхаживал,
Я бродил за тобой как тень.
Грубой нежностью,
Нежной грубостью
Скособочил у вас плетень.
Недопонятых,
Недосказанных
Сколько в памяти красных слов.
И с улыбкой шла по некошеным,
По заречным лугам любовь.
Шла и пела.
Клубились туманы,
От нее на траве медвяной
До утра оставался след.

Я ухаживал,
Я обхаживал,
Чтоб однажды услышать: «Нет!»

3

У вас теперь холодными ночами
Ждет обмолота скошеная рожь,
А я смотрю в раздумии на камень,
Его обмыло шумными ручьями,
Как ювелир, его шлифует дождь.
Блестит асфальт.
Куда ни глянешь — лужи.
Летит в лицо вода из-под машин.
Вот это осень,
Не бывало хуже:
И улицы становятся все уже.
И, как на зло, броди по ним один.
Огни — и те до полночи погасли,
В ушах стоит какой-то странный звон.
Ты пишешь мне о муже и о счастье,
О том, как ты сынишку носишь в ясли,
А я в тебя по-прежнему влюблен.

4

Мы вместе начинали путь.
Ты с деревенского причала
Мне целый час рукой махала,
А чайка белая кричала:
— Не позабудь!
Не позабудь!
Мы вместе начинали путь.
Нам жизнь настойчиво внушала:—
«Быть пассажиром — это мало,

Запомни с первого причала»,—
А чайка белая кричала:
— Не позабудь!
Не позабудь!
Мы вместе начинали путь,
Есть и у нас свое «бывало»,
Которое берет начало
С того соснового причала:
— Не позабудь!
Не позабудь!

«Она растет не для меня»
(Старинная песня)

5

Прощай! Как стужа птицу гонит
На теплый юг: «Скорей! Скорей!»—
Несут меня по тракту кони
Навстречу огненной заре.
Прощай! На ближнем полустанке
Слова любви не прозвенят...
Тугие косы северянки —
Они росли не для меня.
И сбросив лед, не для меня
Весной Печора разольется,
И ты у старого колодца
Улыбкой встретишь не меня.
Как знать: увидимся ли снова?
Летят снега.

Молчат леса.

До полустанка на почтовых
Езды всего-то три часа.
Старик с обмерзшими усами
Поет, морозище кляня,
Что дева с черными бровями

Росла в селе не для меня;
Что в летний день не для меня
Вершины сосен встрепенутся,
И в небе ласточки завьются
Не для меня,
Не для меня!
Поет старик.
Скрипят полозья.
Твержу себе: «Переживу!»
И снега голубые гроздья
Летят с деревьев в кошеву.

ПОМОРЫ

Как песцы,
К воде поближе
Жмутся села наши.
То ли Пеша,
То ли Нижा
Нам платками машут.
Не поймут откуда сплыли
Карбасы смоленые?
Плотно ели,
Сладко пили
У тебя, Зеленая.
Там кому-то было горько.
Там кого-то славили.
Бригадира звали Борькой
И плясать заставили.
Хлеба-соли! Взяли! Трогай,
К морю заворачивай.
Отдыхайте за дорогу,
Ждут деньки горячие.
То ли Катя,
То ли Маша
Плачет на угоре...
Как песцам
Без речек наших,
Нам не жить без моря.
Дай-ка прикурить, дружище:
Руки онемели.
Отдыхаем!..
Ветер свищет
целую неделю.

ПОВЕТЕРЬ

Поветерь удариł — и на взморье
Снова забелели паруса.
Поветерь удариł в междузорье,
Может быть, всего на полчаса.
Поветерь —
попутный,
свежий ветер.
Ласковый и щедрый к рыбакам,
В новые капроновые сети
Гонит омуля издалека.
А ему цветастыми платками,
Будто сестры, машут две зари:
«Что ты, парень, бродишь вслед за нами?
За двумя нельзя.
Одну — бери!

КНИЖИЦА

С. С. Соловьев

A. Романову

А огонек куда-то движется,
То пропадет,
То вновь мелькнет,
А ты опять над новой книжицей
Ломаешь голову весь год.
Порою кажется, что высказал
Всего себя, но нет: опять
На сделанное взглянешь искоса —
И поворачиваешь вспять.
И снова строчка к строчке низжется,
Лишь знай вышагивай,
Шагай.
Черновиками новой книжицы
Хотя матрасы набивай.
Буксир пыхтит,
Буксир старается,
Он тащит за собою плот —
И огонек то вновь появится,
То вновь куда-то пропадет.
Буксир все движется,
Все движется,
Хотя его кидает в дрожь.
И ты в какой-то вечер книжицу
Друзьям на память принесешь,
Буксир доставит плот до пристани,
Потом к причалу подойдет...
А что уже когда-то издано
В счет сделанного не идет.

* * *

Опять бессонница замучала,
А за окном шумит метель,
И снова над речной излучиной
Шумит раскидистая ель.
Шумит замшелая, лохматая,
А может просто снится ей,
Как будто нянчится с внучатами.
Вокруг нее десятки пней,
И ей помочь никто не сможет:
Года не те, она — одна,
На злючую Ягу похожа,
Но это не ее вина,
Как не моя в глухой бессоннице
И что в глазах белым-бело...
Луна то выгляднет, то скроется,
Как сторож обходя село.

* * *

Прозвенел упругий наст весенний,
Пронеслись, как будто не видал...
Жизнь моя, ты тоже, как олени,
Не оставил на земле следа?
Но пока твои не вышли сроки
Я твержу себе одно: «Держись!»
Может быть, оставлю только цокот —
И за это благодарен, жизнь.

ВЕЧОРКА

«Каты-покаты,
Женихи богаты,
Каждому по месту ---
Выбирай невесту».

Весь вечер блестят балалайки
В просторной рыбацкой избе.
Но ты не зайдешь, молодайка,
Сюда отходилось тебе,
Сюда отходилось тебе.

Здесь парни в нарядных рубахах.
Частушкам не будет конца.
Я девичьи охи да ахи
Услышал еще у крыльца.
Я долго стоял у крыльца.

Мне съзмальства это знакомо.
Сказал, подбоченясь: «Привет!»
И слышу: «Входи, будь, как дома!
Входи... Сколько зим, сколько лет!»
Мы много не виделись лет.

И вот уже «каты-покаты»
Землячки мне хором поют,
Как будто я самый богатый,
Давно ожидаемый тут.
Жених поджидаемый тут.

Закончили петь, зашептались:
«А может, припели не ту?»
Но мною довольны остались.
Опять пересохло во рту.
С чего пересохло во рту?

Испить бы холодной водицы —
В руках у хозяйки стакан.
Смотрю на густые ресницы,
На тоненький девичий стан,
На лентой обтянутый стан.

Как схожа с тобою девчушка!
Как душно мне стало в избе!
С чего я молчу на пирушке,
Причины понятны тебе.
Опять загрустил о тебе.

И все же скажу без утайки.
Встряхнули меня земляки.
Как дружно звенят балалайки.
Как дробно стучат каблуки!
Весь вечер стучат каблуки.

НОВОСЕЛ

Быстро же вспыхнула лесная пурпурная заря.
Да и солнце вспыхнуло, да и вода в реке
вспыхнула, да и синева неба вспыхнула.
Вот и кончился лес.
Лишь кусты ивняка над рекой.
Лишь седые холмы вдалеке
Да горят в полуутьме огоньки.
А простор у реки молчаливый какой!
Чайки дремлют на желтом песке,
Не тревожат их наши гудки.
Ты на берег сойдешь,
Там тебя поджидают давно.
Вон стоят рыбаки —
бородатые, рослые люди.
Завтра утром, когда еще будет темно,
Чей-то шустройший мальчишка
Тебя непременно разбудит.
Скажет: «Тата зовет. Едем сети смотреть.
Поднимайтесь скорее — и с нами».
В том начало твое.
Будем много иметь,
Если выдержишь этот экзамен.
Между делом расспросят: «Откуда? и «Кто?»
«Что планируешь в жизни?» «Что можешь?»
И щербой¹ угостят,
Поднесут для сугрева при том
И подарят бахилы из нерпичьей кожи.
Вот и кончилась юность,
И прощальный гудок над рекой

¹ Щерба — крутая, наваристая уха (сев.).

Повисел, умолкая,—

и убраны сходни.

А простор у реки —

он обычно совсем не такой

Молчаливый, каким показался сегодня.

Пожилые рыбачки уже напекли пирогов,

Словно сына тебя старики обнимают...

Чтоб на берег сойти, надо сделать двенадцать шагов.

Это трудно порой.

Понимаю.

* * *

Не веря в добрые приметы
И в исцелительную грусть,
Прожив порядочно на свете,
Я суеверным становлюсь.
И мне, как раненому зверю
Роса прозрачна и густа,
Нужны, чтоб в человека верить,
Твои брусничные уста.
Я стал настолько суеверен,
Что если окажусь в аду,
То и тогда не разуверюсь:
Еще не раз к тебе приду.
И ты, рассыпав снега горстку,
Протянешь мне ладонь свою:
— Ну что ж, удельный князь Печорский,
Пойдем.
Я чаем напою.

* * *

В раковине, выброшенной морем,
День и ночь вовсю гудит прибой.
Неуемный,

он о чем-то спорит
С неприступной
каменной грядой.

Парус мой уже свое отбегал,
Принимай меня в жильцы, тайга,
И покрытые хлопчаткой снега
Окаянных речек берега.
Не помогут ни друзья,
Ни сваты,
Если вдаль отхлынула волна
И тебя побитого,

измятого
На песке оставила она.
Но покуда в раковине сердца
День и ночь вовсю гудит прибой,
У чужих костров не буду греться,
Разожгу хоть маленький, но свой.
И когда наступит тот,
прощальный,
Может, самый легкий в жизни час,
Я своим друзьям открою тайну:
— Море — в нас!

* * *

Мне напомнила старое даль зоревая:
Как под утро на взморье белуха играет —
Только брызги стоят,
Только спины белеют
Да под солнцем морская вода пламенеет.
Что не сделал бы я для поморов сердитых,
Бородатых,
Крутых,
Певунов именитых.
Чайник греть,
Мыть бахилы
Задором, без пая,
Никому не переча, никому не мешая,
Лишь бы только в поселок попасть, за которым
Все пропахло соленым полярным простором.
Был бы рад, но не бегать по палубе бота:
Оторвали от моря другие заботы.
Только в памяти плещется даль зоревая,
Только снится — на взморье белуха играет.

ГОЛУБЕНЬ-РЕКА

Что-то часто стало сниться детство,
Голубень-река,
Переборы хромок по-соседству
С песней рыбака.
Тихо вынимаем омулевку,
Ей ведь тоже отдохнуть дано...
Где же наше детство, чернобровка?
Детство, детство, было ли оно?
Телогрейка,
Грузные бахилы
И куржак на бахроме платка,
Но зато Печора одарила
Омулевым серебром в лотках.
Чернобровку восхваляли хромки,
Как невесту звали в каждый дом...
Не кидать нам больше омулевки,
Мне не греть ладони чернобровки
В дни, когда идет с губы залом.
В жизни нашей все переменилось,
Вырос я до чина старика.
Потому, быть может, и приснилась
Голубень-река.

* * *

Маме

Кто-то брякнул: «Молодость прошла».
Я-то сдуру взял да и поверил.
Поздней ночью проскрипели двери:
«Слышишь, брат, плохи твои дела».
А весна на взморье увела,
Поселила в домике помора,
Потушила лампы в звездных створах,
Чайка иней сбросила с крыла.
Быль смешалась с чистой небылицей:
Снег и ветер,
Сполохи и птицы...
Зря болтали: «Молодость прошла!»
Спрашивашь: как мои дела?
От поморов я вернусь не скоро:
Покружилась лебедь над угором —
И царевна руку подала...
Вот какие у меня дела!

ОКУНЕВО

Берег старый,
Берег новый —
Пильегоры,
Окунево.

Как мне мостик перебросить
Через много-много лет.
В Пильегорах был под
осень,
Здесь оставлю зимний след.
По откосам, по застругам,
Мимо чахлых ивняков
Понеслись аэросани
Окуневских рыбаков.
Значит, снова пешню в руки?
Телогрейку сбросив с плеч,
Я за хвост поймаю щуку,
Поведу такую речь:
«Отпушу тебя, царица,
Но возьму с тебя зарок:
Все, что хочешь, пусть
приснится,
Но не терем-теремок.
Пусть в шару взбелеют волны,
Трепыхнется матафан,
Будет карбас, рыбой полный,
Пробиваться сквозь туман...»
Берег старый,
Берег новый.

Я про вас забыть не мог.
Пильегоры.
Окунево.
Где ж тот терем-теремок,
Где жила краса-девица?
Как по имени ее?
Не сработало, царица,
Приворотное зелье.
Не сработало — не надо.
Обойдусь, а ты живи:
Заработала награду
Старой сказкой о любви.
Как по щучьему велению
Среди леса, среди гор
Сел верхом не на оленя,
А на волка Пильегор.
И теперь девица снится.
Не с Крестовки ли она?
В прорубях вода искрится.
Где же щука?

(Лишь волна).

Лишь хвостом махнула снова:
«Быть по-твоему, дурак!»...
К слову я про Окунево,
И про щуку просто так.
К слову я про Пильегоры:
Вьюги, стужи до весны.
В теплых домиках поморов
Сказки входят в наши сны.
Чья рука качает зыбку?
Кто растапливает печь?
А улыбка есть улыбка —
Тут совсем другая речь:
В той улыбке неба просинь,
Отраженье давних лет.
...Нас качает, нас заносит,
Слизом покрывает след.

Вновь в предутреннем
тумане
Мимо теплых огоньков,
Нас несут аэросани
Окуневских рыбаков.

СИНЬКИН НОС

Шелонник в губе колобродит,
Покинув расщелины скал.
Опять к затяжной непогоде
Сердце сдавила тоска.
Чернеют над Синькиным Носом
Две мачты,
Далекий дымок...
Откуда узнали матросы
То имя, что в тайне берег?
Откуда узнали про ёлу,
Что якорь бросала у вас?..
Тогда я ходил в новоселах,
Зовусь старожилом сейчас.
А может, привиделось просто,
Как брал я на ночку отгул,
Как мы уходили на остров,
Бессмертники рвали в логу?
Песком засыпается ёла —
Свое отслужила для нас...
Тогда я ходил в новоселах,
Зовусь старожилом сейчас.
Но все позабыл на минуту
И сбросил стакан со стола,
Случайно услышав в каюте:
«Она еще долго ждала».
А берег все больше, все выше —
Добрый штурмяга идет.
Дымок над заснеженной крышей.
«Ждала или все еще ждет?»

В каюте поет радиола
Про старую ёлу, про нас...
Тогда я ходил в новоселах,
Зовусь старожилом сейчас.

* * *

Не плачь, не надо.
Улыбайся.
И так хватает женских слез.
Я для тебя всего лишь Вася,
Как для ровесников — матрос.
Вновь буду ласковым и нежным,
Что заимею — все твое.
Не плачь, ведь ты моя надежда,
А без улыбки нет ее.

* * *

Я помешался на этом цвете,
Весь мир сегодня кажется рыжим.
Чем бы встретить, чем бы приветить
Человека, которого нету ближе?
Гор золотых обещать не стоит,
Их никогда на земле не бывало,
Но покуда идешь ты рядом со мною,
Мир тебе будет казаться малым,
Мир тебе будет казаться тесным,
Как узкий след, что оставлен лыжами.
Может, и жил ради этой песни
Про самую милую, самую рыжую.
Да, солнце тебя любит особенно,
Мету свою на лице оставило.
Мной уже половина пройдена,
Может, правильно.
Может, неправильно...
Сегодня не стоит думать об этом,
Самих себя ни к чему обманывать:
Мы при солнечном рыжем свете
Жизнь не раз начинаем заново.

Говорили многое,
Говорили разное...
По тебе в дорогах
Ожиданье праздновал.
Что мне пересуды,
Никому не верю.
Нажимаю кнопку —
Открываешь двери.
— Как живется?
— Весело!
— У тебя?
— Нормально!
Так бы и до пенсии,
Пусть не персональной.
И опять в дорогу
Чемодан уложен,
И сказать друг другу
Главного не можем.

НАДЕЯ

Эта ночь,
Этот снег,
Этот лайнер крылатый,
Что увозит тебя далеко-далеко...
На его огоньки я смотрю мрачновато
И машу на прощанье рукой.
Сколько мы налетали с тобой километров?
Но все чаще и ночью и днем
Мучит сердце глухая бессонница ветра,
Обжигая его, как огнем.
Эта ночь,
Этот миг,
Этот лайнер
И предвестник пурги — темнота...
Где-то рядом проходит та самая крайняя
Наших встреч и разлук черта,
За которой уже равновесие зыбкое,
Где уже ни тревог, ни забот.
Так же солнце наутро с веселой улыбкой
Сквозь туман над Печорой взойдет.
Кто-то снова заклянчит билет у диспетчера,
Кто-то будет друзей провожать.
Только мне не придет на Октябрьскую вечером,
Не взглянуть на тебя,
не обнять.

Было разное.
Главное только осталось:
Через тысячу встреч и разлук
Я пронес до седин
Непонятную радость

Не твоих ли задумчивых рук?
Где же это вчера говорили
Про какую-то там черту?
Как секунды сегодня часы проскочили,
Огоньками пронзив темноту.
Я стою.
Я курю.
В предрассветной тиши
Ты не выдумка, не видение...
Все спешим, надея, спешим —
То и дело сигнал отправления.
Нам с тобой на судьбу не сетовать:
Не теперь, а в двухтысячном, может, году
Стану я настоящим поэтом,
В антологии даже войду.
Эх, надея моя, надея,
Ты не это имей в виду.
Кто сказал, будто мы стареем,
Кто сказал, что уже не приду?
Я еще расскажу о тебе
По-моряцки душевно и просто,
Ведь в моей суматошной судьбе
Ты хозяйкой была, а не гостьей.

ПИЛЬЕГОРЫ

Пусть не сразу,
Пусть не скоро,
Но опять вернулся я
В Пильегоры,
Пильегоры,
Лиственничные края.
Попросил воды напиться
Не из кружки,
из ковша.
А теперь, как говорится,
Потолкуем не спеша.
Как мы жили,
Где мы были,
До Кавказских синих гор
Почтальоны приносили
Мне приветы Пильегор.
Вспоминал, хотя не часто,
Я окраину села,
Где старушка тетя Настя
Нам бывальщину плела.
— Так и жили братья эти:
Пил Иван,
Плясал Егор...
И пошло гулять по свету
Скоморошье — «Пильегор».
Деревень бойчее нету —
Певуны да плясуны.
Хочешь слышать не про это?
Вижу: сказки не нужны.
Да, мне с теткой не сидится,

С горочки на горочку
Я спешу к своей царице.
Примешь, пильегорочка?
«Я-то, старая, не знала,
Что у вас любовь была,
Рассказнями докучала...
Молодым — свои дела».
Тетя Настя, шумный город
Все ж не вырвал из меня
Пильегоры,
Пильегоры,
Лиственничные края.

* * *

Лебедь моя белая,
Лучшая из всех,
Все, что я ни сделаю,
Горе и успех,
Примешь, как положено
Принимать, любя.
Жаль, еще не сложена
Песня про тебя.

СТРекса

С чего бы это сердце ноет
И все сильней день ото дня?
В лицо ударил запах хвои —
И нету в городе меня.
Я тут еще, но мало проку —
Затосковал, чего скрывать.
На Светлой или на Глубокой
Теперь бы мне осеновать.
Там, где зимой в мороз трескучий,
Не отличим от ночи день;
Собрался в путь — на всякий случай
Совик на малицу надень.
Где скажут «не «в тайгу», а «в гору»,
Как даже Пришвин не писал...
Пора!.. До новой встречи, город.
Я снова ухожу в леса.

I

Косогоры, поженки, болотины,
Хвойные леса.

Я под утро слышал за поскотиной
Чьи-то голоса.

Может, сбросив душегрейку рваную,
Здесь сидел ушкуйный атаман.

Развернулась скатерть самобраная,
Прошумел за лесом океан?

Вот они — ушкуи —
разговляются.

— Ты откуда появился, друг?

— Родич ваш!

И чаша наливается.

Подают.

И тишина вокруг.

Только я да лайка востроухая.

Да костер горит.

Даже филин в ельнике не ухаёт:

Он не любит утренней зари.

Вещий филин, расскажи про працедов,

Кто пропал в бегах,

Кто висел на царских перекладинах,

Замерзал в снегах,

Бил медведя наповал рогатиной:

Пробу брал из грузного лотка,

Угощал гостей сырой сохатиной...

Века!

Века!

Сбежав от плахи, скрылся в глухомани,
 Куда добраться стражка не могла.
 На этом берегу,
 В густом тумане,
 Он стал валить деревья для угла.
 Все сделал сам, от сруба начиная,
 Почексывал пятерней башку,
 Кафтан сменила куртку меховая
 Из необделанных собольих шкур.
 Он жил один —

угрюмый, бородатый,

И не любил о прошлом вспоминать.
 Молился богу,
 И ругался матом,
 И замертво валился на кровать.
 Но, знать, по людям сердце тосковало:
 В какой-то час покинул этот двор,
 Оставив здесь кремневку и топор.
 Шипя, в лампадке догорало сало.
 Он к людям шел.
 Тянула к морю птица.
 Вдали гремела вешняя гроза...
 Откуда у девчонки смуглолицей,
 Что на оленях, словно ветер, мчится,
 Безоблачные русские глаза?

Спит сестренка, а мне не спится,
 Снова думы замкнулись в круг...
 Слышу: крыльями машут птицы
 И вгрызается в землю плуг.
 Слышу: в поле поют солдатки
 Про какую-то там рябину.
 Ни силенки у нас, ни ухватки,

Но встаем за плуг, как мужчины.
Ранним утром берешь гнедую:
«Поработаем мало-мало».
Косачи за селом токуют
В сизых зарослях краснотала.
— Дай, Гнедой, отдохнуть немножко,
Слава богу — последний день, —
И скрутил себе козью ножку
Дед Хозяинов Пантелей.
Борода, словно снег зимою
На смолистой прямой сосне,
Говорит старина со мною
О военной крутой весне.
...Детство, горькое наше детство.
С голодухи черны, как грачи...
Трудным был нашей жизни зачин,
Но зато меня дед научил
Целину поднимать с малолетства.

ПЕРЕВОЗ

По пескам,
По наплесткам,
По камням,
Босиком
К перевозу подросток
Из села —
Пряником.
Волны бьются о лодки
И белеют вдали...
— Размоталась обмотка.
Подержи костили.
Чей ты будешь, земеля?
Переехать бы мне.—
Мы с солдатом присели,
Как ровня, на бревне.
Оказалось, соседи,
Даже больше — родня.
— Что нам ветер? Поедем, —
И взглянул на меня:
— Не такое бывало.
Ты садись на корму.
Дома, как увидали,
Все на шею ему.
Ну, от радости плакать.
— Хватит, вам. Завели!..
А с порога собака
На его костили
Все моргала, моргала —
И ползком под кровать:
За куницей в увалах

С ним уже не бывать.
Разве только с подростком,
Что опять
Босиком
По пескам,
По наплесткам
Далеко-далеко
Убежал, чтоб забыться,
Чтоб никто не видал...
Нам до старости сниться
Будут эти года.
Кто-то снова в заречье
«Перевозу!» — кричит,
А хозяин в запечье
Костылями стучит.

ВЫСЕЛОК

День плывет косяками льдин
За скрипучей дверью повети...
Мы с тобою один на один
Оказались на этой веретьи.
Ты и радость моя и беда,
Староверское горе — наследство,
Ты меня и хлестал и бодал,
Ряцкал ложками по лбу в детстве.
Я покинул тебя.
Не ропщи.
Ты и сам, наверно, заметил:
Льды не может река протащить,
Чтоб твою не размыть веретью,
Чтоб по бревнышку не раскидать
Старый дом без дверей и окон.
Пусть развалит его — не беда —
Гниль с того и другого боку.
Эх, веретья,
наша веретья...
Волочугу поставишь и рад.
По кустам собирая для нетели,
Иву скоблят ручонки ребят.
Всю-то зимушку скоблят и все же
Еле-еле дождешься травы.
У скотины лишь кости да кожа.
Только выпустишь — пала...
Завыл!..
Наказание, а не жизнь была
В дни, когда появился на свете я...
Поднялась изба, поплыла —

Затопило нашу веретью.
Старый выселок, ты давно
Перебрался в деревни и села,
Где и свет, и сельпо, и кино,
Чуть не в каждой избе радиола.
Мы сегодня — один на один,
Я случайно сюда — порыбачить..
День плывет косяками льдин,
Над веретьей чибис плачет.

ЗА МЕГОМ

За мегом,
За лесом дремучим
Лежало село.
Когда бы не горные кручи,
Его бы совсем замело.
Завалит по крыши снегами,
Живешь до весны, как в норе.
Лишь месяц заденет о камень,
Блеснет серебром на горе.
Глухие леса да болота,
Да мег,
 заколдованный мег,
Где сгинул, уйдя на охоту,
Уже не один человек.
Вдоль речки — четыре десятка,
А прямо всего две версты,
Но черт наступает на пятки,
Закрутит тебя — и в кусты.
Блеснет синеватое пламя,
И серой запахнет в ночи.
Царапаешь землю руками,
«Спасите!»—кричишь.
Никто не расскажет, как было,
Не бросится тут же искать...
Опять мое сердце сдавила
Чалдонских преданий тоска.
Мы мег проезжаем.
На кручах блестят деревень огоньки.
Для нас это просто излучина
Порожистой горной реки.

НЕНАСТЬЕ

Этот вечер памятью отмечен —
Целый день ругался я с диспетчером...
Документы предъявлялись веские,
Мол, я должен вылететь, не мешкая,
Мол, мои дела особо важные,
Дорога для них минута каждая,
А в вокзале было шумно,
Тесно.
Дым столбом.
Храпели люди в креслах.
Что-то пили.
Взад-вперед ходили.
Тут же матери детей кормили,
Прикрывая шубами от стужи,
Повторяя, что бывало хуже.
Стало стыдно за свои мандаты.
«Мы успеем вылететь, ребята.
Закрывайте двери да потише —
Грудью кормят матери детушек».
Пеленают в одеяльца ватные.
Им бы надо выдавать бесплатные.
Им бы надо выдавать прямые,
Внеочередные,
Скоростные.
А они детишек кормят стоя —
Матери с таежных новостроек.
И когда буран утих под вечер,
«Кто с детьми — сюда!» — сказал диспетчер.
Стало тихо. Просветлили лица.
Будущее в лайнеры садится.

ТАКАЮ

Когда бы все сказать тебе,
Ты будешь выть, я стану плакать.
Такай, ведь ты в моей судьбе
Гораздо больше, чем собака.
Хозяйка мечется твоя,
Ей горечь сердце гложет.
На север возвращаюсь я.
Не встретимся, быть может.
Но я не плачу, ты не вой,
Ведь мы с тобой мужчины.
Лишь погрустим в траве густой
Под бой перепелиный.

ГОРКА

«Снова горку в Усть-Цильме водят».
(Из разговора)

Что разладилось, не наладится —
Так на севере говорят,
Но забыв про все неурядицы,
Затуманенный помню взгляд.
Слышу я: на мосту бревенчатом,
Где немало ночей провел,
Чья-то хромка поет об изменчивых,
О девчатах окрестных сел:
«Что по этой по дорожке
Больше нам не хаживать.
Дроля, я не из таких,
Хватит, поухаживал».

Спел.

Закурил.

Подтянул ремень.

Бескозырка сдвинута набекрень.

А платок-то у дроли батистовый,
Косы длинные, золотистые,
Сарафан-то сшит в годы оные,
Туфли с издали привезенные.
А чулочки-то из капрона.

«Девушка — не травушка,
Не вырастет без славушки.

Только та без славушки,
Которая хуже бабушки».

Что разладилось — не наладится.

Не с того ли все чаще мне
Вспоминается раскрасавица,
Что жила в лесной стороне?
Та, что первой пошла в капроновых,

Их еще не носили тогда...
Неразумные были, зеленые,
И колючие мы в те года.
Был и я не последним по счету,
С балалайкой-трехстрункой дружил
И бежал по утрам на работу
Не из дома — с зеленою межи,
Где под утро в густом перелеске
Забывали мы про слова.
За насмешку на людях, в отместку
Обнимал ее,
Целовал.

Горку нынче на улице водят:
Там просторней.
Народу не счастье.
То ли мне подышать природой,
То ли к старым друзьям присесть!
Может, тоже сплясать попробовать?
Все родное тут,
Все знакомое.

Что знакомо?
Платок батистовый?
Косы длинные, золотистые?
Сарафан, что сшит в годы оные?
Туфли с издали привезенные?
А не все ли равно, если снова
Я на песню пришел сюда
И не лезу в карман за словом,
Как случилось в быдые года.
Обтесала жизнь, обстругала,
Кой-чему научила нас.
Отдохните чуток, запевалы, —
Начинается перепляс.

«Эх, милка моя,
Подманилка моя,
Не успела подманить —
Стали люди говорить».

«Хорошо, когда на тонях
Берега покатые.
Хорошо парня любить,
Только не женатого».

А я и забыл.
Никудышины дела.
Только вздохнешь,
Что была и сплыла.

Эй, Иван,
Эй, Егор,
Да с каких это пор
На отшибе стоите, в сторонке?
Выходите в круг.
Поживее, друг,
Чтоб волчком закрутилась горка.
Не смотри на часы,
Нажимай на басы,
Выходите на помощь, баяны...
Всколыхнулось все,
Встрепенулось все —
И пошли писать сарафаны.
«По Печоре, по реке
Ходят пароходики,
Незаметно пролетают
Молодые годики».

«Не ругай меня, родная,
Не смотри так грозно.
Ты сама была такая,
Приходила поздно».

Что ж так и молчать?
За какую вину?
Так оторву,
Такое загну,
Что крякнет сосед,
Усмехаясь в усы:
«Сразу видать — бескозырку носил».

И она подойдет,
Проокает:
«Што, родная зовет сторона?
Должность в городе, видно, высокая!
Из культурных, наверно, жена».
Закидает меня вопросами
И чуть-чуть затуманится взгляд...

«Не ходите, девчата, с матросами»,—
Так на севере говорят.
Только эта не впрок наука.
И теперь, как тогда, под шумок
По мосткам каблучки простукали
В белоствольный прибрежный лесок.
Все устроится,
Все уладится,
Прояснится все в свой черед...
А народу все прибавляется —
Это горка в селе идет.
В жизни может случиться разное.
Снова горку с тобой вожу.
Снова радуюсь,
Снова праздную,
И на мир удивленно гляжу.
Упрекни.
На судьбу посетуй...
Но такого я не дождусь...
За баянами бродит по свету
Белой ночи прозрачная грусть.

* * *

Мятой пахнут лесные луга,
Косы точат в селе косари,
Я сегодня метал стога
С полдня жаркого до зари,
А потом заблудился в лугах.
А вокруг меня не роса —
Слитки золота на лотках.
Я сегодня просто косарь,
Я все так же мечу стога.
Эх, какая у нас роса!
В южный город который раз
Переносят меня мечты.
Ты живешь далеко от нас,
Ты давно не была у нас,
Запах мяты забыла ты.
Посылаю два лепестка
С молодой одолень-травой —
И охватит тебя тоска,
И потянет тебя домой.

* * *

Опалиной помечены
Зеленые стога.
Последние кузнечики
Стрекочут на лугах.
Уже и рос не стало,
Вот-вот пойдут дожди,
У аэровокзала
Меня уже не жди.
Не жди до листопада,
Не жди до «белых мух»,
Лицом в постель не падай
В дни горьких заварух.
Одно случиться может —
В каком-нибудь году
Среди озер и пожен
Я наземь упаду.
И сиверок закрутит,
Не велика беда,
Здесь даже едкий лютик
Мне дорог был всегда.
А в ельнике дремучем
Цвел для меня пион.
Жилец речных излучин —
Жень-шеню родич он.
В июне вспыхнет снова
И, что ни говори,
В моем негромком слове —
Тепло его зари.

* * *

Виктору Денисенко

Да, я себя не берегу
И, может, лишь на выть
Сойдемся где-то на лугу,
Чтоб сена накосить.
И посидим на берегу
Не в письмах — наяву.
Наткнемся в Першином логу
На одолень-траву.
Поверье есть: лишь в руки те
Она сама идет,
Кто держит сердце в чистоте,
Не для себя живет.
И я цветок травы такой
Преподнесу тебе.
Снесешь ее своей рукой
К родительской избе.
Ведь это одолень-трава
От злых крестьянских бед.
И зная заговор-слова
На все найдешь ответ.
А ты, земеля, пожелай
Мне песенную выть,
Чтоб наш озерный, тихий край
Смог каждый полюбить.

ИЗЛОМКИ

У любого изломка — две стороны.

На одной только камни да ветер холодный,

На другой — разнотравье, цветы, зыбуны,

О прибрежный песок тихо плещутся волны.

У изломков ли только две стороны?

Это север и юг.

Это полюсы вечного спора.

Мы опять подстегнули своих вороных,

На огнище вернемся не скоро.

Лишь подковы о камень прибрежный стучат,

Только искры летят да насквозь сиверок пробивает.

Значит, молоды мы, если можем еще по ночам

Так носиться...

А почка-то, почка какая!

Мы, браташа, ведь тоже из двух половин,

Есть дурное в нас, есть и хорошее,

Но когда остаемся один на один

Жизнь встает наволоком некошеным.

Говоришь, что и нас пронесет стороной,

Но потуже поводья и заново трогай...

Нет, не выбьет меня из седла вороной,

Только гривой встряхнет

Над покрытой туманом дорогой.

Когда, устав от жизни бренной,
Раскину руки у межи,
Ты принеси охапку сена,
Мне в изголовье положи.
Я знаю, знаю: все проходит.
И мы пройдем, и мы уйдем,
Но сеять рожь, метать зароды
Нам все милее с каждым днем.
Не по кулигам, не в закутках
Идет страда, гудит страда.
В стогу по десять промежутков.
Во сколько вложатся года?
Здесь были дедовские пожни,
Здесь были заросли урем...
Вот-вот у нашего остожья
Блеснет багрянцем окоем.
Мы межи дедов распахали,
Но есть у времени межа,
Какие мы увидим дали,
В последний раз глаза смежа?
Я много жил и много разных
Видел костров, а сердцем тут.
О жизни далеко не праздной
В кустах варакушки поют,
И если наперед устану,
То не забудь, о чем просил:
Из предрассветного тумана
Охапку сена принеси.

* * *

Пройду дома пятиэтажные,
Присяду где-то в стороне...
Забыл я что-то очень важное,
А что — уже не вспомнить мне.
Спешат на север, за болота
Высоковольтные столбы,
Туда, где мне побывать охота,
Где я мальцом когда-то был.
Забыл я что-то очень важное...
А не с того ли грустно мне,
Что холил я сосенку каждую,
Что я зывал тропинку каждую
В той горностайной стороне?

ПИЖМА

В детстве знал о тебе немного,
В годы юности для меня
Ты невзрачной была,
Убогой,
Староверский уклад храня.
В дом заходишь — не улыбнуться,
Лица древних икон темней,
Росписное не дрогнет блюдце
На раскольничьей пятерне.
Вот и все, что оставила память.
Но однажды услышал я весть,
Будто старая тропка за Камень,
За отроги Тиманские есть.
Будто тропкою той из Расеи
Вольнодумцы бежали сюда, —
Те, кто жито на гарях посеял
И связал из травы невода.
И как будто леса расступились,
В луговые просторы мания.
Земляки, окажите милость:
Осчастливьте улыбкой меня.
Пижма, Пижма!
Кресты да молельники.
Староверских бород седина.
Сколько родичей сгинуло в ельниках,
Выпив горькую чашу до дна?
Прочь, тоска. Не сматывай душу,
Грудь когтями не рви, как медведь.
Пижма, радость моя, послушай —
Нам с тобой не об этом петь.

И смеемся взахлеб, и бороды
Для солидности лишь у парней.
Рудниками бокситного города
Нам еще прогреметь по стране.

СОВЕТ СТАРЕЙШИН

В небе слышится клик лебединый,
Снег отряхивают лозняки,
Вечерами под окнами магазина
Собираются старики.

На фанерные ящики сядут,
Разговоры свои поведут,
Все окинут критическим взглядом,
На общественный вынесут суд.

Говорят и про то, и про это,
Про сегодняшний день и века.
Здесь нередко и предсельсовета
За советом идет к старикам.

— Ваша помощь нужна...

— Катерина,

Дай подумать над этим всурьез...
В небе слышится клик лебединый,
Разрешается трудный вопрос.

А всего-то и надо — воскресник,
Две подводы да пара машин.

— Мост прогнил... Что же, дело известное.
Ты и нас не забудь. Запиши.

— Не забуду...

А утром за дело.

Где старейшины — там и народ.
Так чего ж, Катерина, хотела?
Заседание снова идет.

Собираются все к магазину.

За президиум — старики.

А в заречье под клик лебединый
Снег отряхивают лозняки.

У ПОРОГА «РАЗБОЙНЫЙ»

Н. А. Чупрову

Когда впервые повстречались,
Не зная нрава твоего,
Замешкался я в чем-то малость —
И не запомнил ничего.
Как закрутило, завертело,
Как протащило по камням,
По отмелям заинdevелым —
И в омут кинуло меня.
Но с той поры тобой, Разбойный,
Я часто брежу по ночам,
В тебе и вольно и невольно
Истоки всех моих начал.
А кто-то речь опять заводит,
Судьбу предсказывает он,
А наши звезды только всходят
На этот хмурый небосклон.
И не в твоей ли это яме
Их отражение видать?
Золоторогий бьет о камень
Копытами, чтоб их достать.
Шумишь на зорьке — к непогоде,
Молчишь — стоять погожим дням.
А кто-то речь опять заводит
О нас с тобой по деревням.
Что ж, мы с тобой других не хуже,
Что своенравны — не беда,
Ведь ты при самой лютой стуже
Не замерзаешь никогда.

НАЧИНАЮЩИЙ ПРОЗАИК

Он вечером зашел в библиотеку
Отдать газетам свой свободный час,
Услышал там, как девушка-аптекарь
Сказала тихо: «Это наш рассказ».
Ушла она, и он к себе придвинул
Последний, свежий номер «Огонька».
В тот миг как будто снежная лавина.
Обрушилась со скал на паренька.
Он вспомнил север, дикие метели,
Далекий мыс, где долго зимовал,
Он вспомнил май, как гуси прилетали,
Как он во сне девчонку целовал.
Сдавило грудь.

Озиноб.

И жарко стало.

В смущены он ладонью вытер лоб.
В журнале том играли и сверкало,
Как северных сияний первый сноп,
Его рассказ, его шальное имя...

А он не знал.

В том почта виновата.

Пора глазами строгими, чужими
Прочесть о том, что пережил когда-то.
Плохой-плохой, еще не доработан,
Еще черкать и мучиться не раз!
Ну, а в глазах все кружится с чего-то,
И слышится: Да, «это наш рассказ».
— Писать, писать!—

И ночи пролетают,

И на гулянку лучше не зови,

Он рассказать по-своему мечтает
О юности, о дружбе, о любви.
С мечтой на пару ходит вдохновенье,
Но тут уже особый разговор...
Как много стоит яркое мгновенье —
Читателя услышать приговор.

* * *

Над разливом снова утки кружат,
Битый лед лежит на берегу.
Все сильней о чем-то сердце тужит.
Ничего поделать не могу.
Отлетал,
Открякал,
Отчудачил,
Не гожусь в зеленые юнцы?
Так возьму и сделаю иначе —
Разрублю пеньковые концы.
Те концы, которыми связали
Годы тундры накрепко меня.
На далекой Каре, на Ямале
Провода антennы зазвенят:
«С добрым утром. Крепко вас целую.
Как здоровье ваше. Как дела?
И ни слова, что опять тоскую,
Что у нас опять пурга была.
Знали солнце,
Знали снег и стужу,
И под настом бились в гололед.
Что ж ты, сердце, понапрасну тужишь,
Ведь такое с нами каждый год.

ПАМЯТИ ДРУГА

Совсем недавно спрашивал меня,
Каким запасом прочности владею,
Сумею ли, покинув зеленя,
Предзимье встретить, сердцем молодея.
— Не знаю, друг,— я отвечал ему,—
В самом себе я многоного не знаю,
Что выпадет — все с радостью приму,
И радость та не будет прописная.
— А все ж скажи, как жить намерен ты?
Какой ценой тебе даются строчки?
Не растерял еще своей былой мечты
И вместо запятой еще не ставишь точку?
Он протирал очки, тянулся к сигаретам
И, нужное отыскивая слово,
В который раз произносил: «Поэты!..
А кто такая Лидия Теплова?»
Я отвечал ему, что хороши стихи,
Но автор мне покуда неизвестен.
Сидели мы задумчивы, тихи,
И юность вспомнили, о чем мечтали вместе.
Когда бы знать, что мы в последний раз
Сидели так, ведь утром, не прощаясь,
Лишь помахав рукой, он улетел от нас,
В разноголосие столицы возвращаясь.
Когда бы знать, но не дано нам знать,
Что, может быть, всего через неделю
Забьется в горе неутешном мать
Та, что его качала в колыбели.
Уже весну не встретим над рекой,

Читать стихи взахлеб уже не будем,
Но вместе с неоконченной строкой
Мы что-то большее должны оставить людям.
Знать, неспроста он спрашивал меня,
Каким запасом прочности владею.
Февральский хиус, сердце ледяня,
Перечеркнуть былое не сумеет,
Поземка злая крутит у крыльца,
Мне некуда сегодня торопиться...
Уходим мы, но жизни нет конца,
Она летит,
летит,
подобно птице.

* * *

Мы слишком много говорим порой.
Не от душевного ли это холода?
Где вырастают словеса горой,—
Не сышешь золота.
Вдвоем с тобой давай-ка помолчим,
Ведь мы опять так долго вместе пробыли.
Послушаем, как возятся грачи,
Отстраивая дом на старом тополе.
Дай поглядеть при свете на тебя,
Чуть бледную, притихшую, усталую,
Потом сказать, полушутя, любя:
— Шалая!
Где много слов, простора чувствам нет,
Они, как жито, жерновами перемолоты,
Как тихо входит в комнату рассвет...
Молчанье — золото.

ТОБЫШ

Здесь от давнишнего раскола
Остались ветхие кресты.
Спешат на Тобыш богомолы,
Как в знаменитый монастырь.
Спешат к «Покойникам» старушки
К верховьям Тобыша с весны,
Не от избушки до избушки,
А на моторах подвесных.
Их поджидает одноглазый
Безумно одинокий Спас —
Не к богу временем привязан,
Как ширпотреб иконостас,
А к тем, чьи горестные руки
Не на холсте, а на доске
В одном отчаянном мазке
Нам выплеснули сердца муки.
Века гонений и расолов,
Преданья о мастеровых...
Кресты целуют богомолы
И смолами кадят на них.
Легенды древние.
Поверья,
Что был слепой, а стал здоров...
А мы с тобою, подмастерья,
Берем урок у мастеров.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

(Из В. Чисталева)

Светлая ночь.

Лунная ночь.

Снег под ногами кажется синим.

Видишь — над бором Полярная всходит звезда,

Первые сполохи, словно зарницы сверкают?

Дремлют деревья, в снеговую одеты до ху,

Снится деревьям весна,

Снится им жаркое лето.

Заяц куда-то белым клубком прокатился,

Тетерев спать завалился в снежную лунку,

Откуда-то издали собачий доносится лай

Да твердый снежок чуть хрустит под ногами.

Светлая ночь.

Лунная ночь.

В избах уже не видать огоньков.

Знать, соседи мои крепко-крепко уснули.

Золотистыми искрами звезды сыплются с неба в леса,

В синеватых снегах догорают беззвучно и тают.

ПРИВЕТ В АНТАРКТИДУ

Л. Н. Жигалову.

земляку, бывшему начальнику зимовки
«Восток» в Антарктиде.

Вчера принесли телеграмму
Из Антарктиды далекой.
Меня земляки попросили
Письмо написать «Востоку».
А что вам черкнуть, не знаю...
Так, робим себе в колхозе.
Вы лето уже встречаете.
Мы сено с лугов вывозим.
Морозы стоят за сорок.
У вас чуть послабже стали.
На полюсе — все как надо.
И мы, так сказать, не отстали.
И, что интересно, Лева,—
Угрюмые наши деды
Край айсбергов и пингвинов
Считают почти соседом.
Твердят, что из наших надо
И в космос послать кого-то.
Что им перед смертью с богом
Счеты свести охота.
Немало он их подурячил,
Не слышали доброго слова...

Вчера письмо написали —
В гости зовут Титова:
Мол, к нам приезжай,
К староверам,
Сумеем приветить сокола.
Артелью идут на почту,
О космосе что-то окают.

А у колодца — мама.

И сразу:

— Была телеграмма?

Да «что там?»

Да «как там?»

«Когда же

Заглянет в село родное?»

«Да, ничего не скажешь,

Ты стариков уважила —

Героя вскормила,

Героя».

«В журналах-то вся Россия

Портреты зимовщиков видит...»

Как там у вас, земеля,

Как там дела в Антарктиде?

ЖИВ ГЕРОЙ

*Памяти красного дружинника
Василия Дуркина*

Есть на свете деревушка Мыла.
То, что расскажу сейчас, все было,
Только не было еще в селе убитых,
Шли к нему тайгой белобандиты.
Тайно шли, но все же на рассвете
Волчью стаю партизан заметил,
У деревни этой, на заставе,
Бой принять карателей заставил.
Сколько их — не посмотрел на это:
Знал, что шли не с дружеским приветом,
Знал, что шли они не с хлебом-солью
Улицы залить людскою кровью.
Но не долго выстрелы гремели
И молчали от испуга ели:
Одолели смельчака бандиты
Из семей кулацких, именитых.
Истязали парня на допросах,
Отвечал им парень на вопросы:
— Сколько нас, вы подсчитайте сами,
Что, как звери, бродите лесами.
А на самом деле мало было...
Есть на свете деревушка Мыла.
В деревушке этой утром рано
Мы пришли к могиле партизана,
Чтоб опять сказать ему: «Василий,
И тебя в народе не забыли».

С НОВЫМ ГОДОМ

Соне

На ступеньках районного Дома культуры
Мы с тобою, Снегурка, встречались не раз,
Если был я усталым до этого, хмурым,
Становился веселым от ласковых глаз.
Прошлой ночью в разгар новогоднего бала
Я увидел тебя в окружении подруг.
Так свободно ты с парнем одним танцевала,
Что казалось мне: все любовались вокруг.
Но качнулся паркет, как земля после качки.
Я — рукою за стул, прислонился к стене.
Ты лицом и глазами похожа, землячка,
На девчушку, что в юности нравилась мне.
Вновь почудилось: скрипнули легкие наrtle,
Застучали по насту олены копыта.
Мчусь по тундре без компаса я и без карты.
Впрочем, нужно считать, что прошло, то забыто.
Так ли это? Себе в эту ночь не поверил:
Слишком весело ветер метался по крышам,
Я ж с опаской смотрел на раскрытые двери.
Ничего не изменишь уже, не попишешь.
И хотя мы с тобою совсем не знакомы,
Показалось когда-то знакомыми были,
Вечерами встречались у этого дома,
По заснеженным улицам молча бродили.
Не с тобой... Мне уже не бывать ясовеем
И на боте в соленый простор не уйти.
Не по времени быстро, нежданию седеем,
И все чаще привалы на нашем пути.
С новым годом, Снегурка, тебя, с новым счастьем!
Задушевной улыбки своей не теряй,

Будь, как ясное солнышко в злое ненастье,
Маме утром привет от меня передай.
Может, вспомнит про тундру, про сполохи в небе,
Про матросские письма и ласковый май,
Про горбушку замерзшего черного хлеба,—
И здоровья своей дорогой пожелай.

РОДНИЧОК

АХОНОВ

Где Пижма берет истоки,
У каменистых круч,
Как северянин, окая,
Бьет безымянный ключ.
Тихо вначале,
робко,
Ощупью,
Налегке
Он пробивает тропку
К давно замерзшей реке.
А осмелев, ударит
С маху о толстый лед.
Смотришь — на месте опарин
Заберега блеснет...
В самую лютую стужу
Разносится радостный звон...
Бьет родничок и не тужит,
Что безымянный он.

СТРЕХА

Не нашивал я медвежьей дохи.
И пальто у меня на рыбьем меху,
Все богатство мое — это лишь стихи
Да и то про какую-то там стреху.
При виде ее на сердце тепло...
Утрами над крышей курятся дымки.
Мы чем-то в сегодня, чем-то в былом —
Доселе живем, презирая замки.
Палку приставишь к дверям — и добро:
Значит, хозяин куда-то ушел.
Ты усмехаешься: «Это старо,
Да так и поверил тебе»,
Хорошо!
В какой из домов заглянем с тобой?
Может быть, в этот, новый совсем?
В этот, что рядом со старой избой,
Что даже как следует не осел?
Гляди: у дверей «сторожок» стоит.
Он только для вида.
Присядь.
Покури.
Я слушать люблю, как под этой стрехой
Галдят воробы от зари до зари.
А вот и хозяин идет. Гордоват.
Он скажет сейчас: «Что сидите тут?
В дом бы вошли, не грабители, бат.
Не ждать же, когда «сторожок» уберут».«
Медвежьей дохи не надобно мне
И в легком пальто прохожу как-нибудь,
А если мороз, то в родной стороне

Услышу напевное: «Не обессудь.
Совик-то от дедов еще. Староват.
Малицу надеть тебе да тесна».
...И под полозья снега полетят.
Морозы за сорок, а в сердце — весна.
Горланят с заборов его петухи,
Мычут на поскотине пестрый телок.
Не из-под этой ли, друг, стрехи
Слетел разудалый конек-горбунок?

* * *

И во мне ушкуйное бродило,
В дали неоглядные маня...
Соберутся у моей могилы
Женщины, ласкавшие меня.
Я не знаю, где они сойдутся,
Где моей судьбы замкнется круг.
Не хотел семейных революций,
Но не мог без теплых женских рук.
Им сказать бы: «Милые, простите
За мою злосчастную вину:
Я любил,— хотите не хотите,—
До безумства только лишь одну.
Ей отдал и взлеты и страданья,
Силу рук и дар души своей,
Но не мог решиться на признанье,
Все терялся я при встрече с ней.
Не скажу, чтоб выглядела хмуро
Было в жизни много добрых встреч.
Только все же я ушкуй не бурый,
Что к зиме спешит в берлогу лечь».
В сердце океанское бродило,
В дали неоглядные маня...
Соберутся у моей могилы
Женщины, любившие меня.
Им сказать бы мне хотелось просто:
«Пряником за много тысяч верст
Я ушел нежданно к богу в гости,
А грехи сташили на погост...
Брел я пешим, добирался лодкой,
Ведь путей воздушных к раю нет.

Засуха изматывала глотку,
Не хватало пачки сигарет.
В том пути пришлось довольно тugo...
После долгой суеты мирской
У весов стояли друг за другом,
Голые, как в бане городской.
Вы по мне особо не грустите.
Все в порядке. Я уже в раю...
Радуйтесь, страдайте и грешите,
И любите Родину свою».

НЕРИЦА

Верится не верится,
Но такое дело...
Снова, здравствуй Нерица!
Ты похорошела.
За тоску гремучую
По резным оконцам,
За твое дремучее
Боровое солнце
Кланяюсь я низко
Светлой, ясноокой
Чем-то очень близкий и такой далекий.
Снова выюга крутит.
В полудреме снится:
Выхожу на путик по следам лисицы.
Рыжая, ворсистая бродит по остожьям.
Я капканы выставлю
На Ильинских пожнях.
Камусные лыжи
Унесут за горы,
Снова там увижу
Буйных черногоров.
Посидим, побаем,
Че ли да не че ли,
А потом затянем про широко поле.
А потом... не верится,
Что я снова в Нерице.
Весь заиндевелый.
Вот такое дело.
В расписных узорах каждое оконце.
Над сосновым бором огненное солнце.

ПО СТАРОМУ ТРАКТУ

И снова поверю в предгорьях былинного кряжа,
Как мир удивительно чист и хорош.
Платок расписной ты узлом по-крестьянски завяжешь
И тут же на стол все, что есть под рукой, соберешь.
И с низким поклоном поближе к столу приглашая,
Не спросишь откуда иду и куда.
И снова, как встарь, нам уже ничего не мешает
Уйти с головой в огневые, как брага, года.
С часок посидим, погоняем чаи для сугрева,
И скажут соседи, что песню опять завели.
Малиновым звоном бескрайнего тракта напевы
Звенят и звенят, рассыпаясь вдали.
О, русская песня! О, русская женщина-мати,
Не стоят без вас ничего удалцы-мужики.
Вечор показалось: пора залезать на полати.
А утром опять — совики, кошева, огоньки.
Ты руки скрешишь на груди и ни слова,
Лишь только к соринке в глазу прикоснешься платком.
Забуду про все, вновь поверю снова и снова,
Что еще не служил,
Лишь нанялся служить ямщиком.
Звенят бубенцами в заснеженных тайбалах кони,
Ты их повернуть поскорее обратно зовешь...
Не встретив тебя, никогда бы, наверно, не понял,
Как мир удивительно чист и хорош.

УЛЫБКА

Павлу Пономареву, лесничему

Февральским бураном забило дорогу,
А мы уже скоро неделю в пути...
Малицы сбросив, стоим у порога,
В дом не решаемся что-то войти.
Усталость, как снег непролазный

и зыбкий,

Все же и нас доканала она,
Но хлопнули двери
И чья-то улыбка —
Как теплого ветра волна.
— О, гости!

Входите, ребята, входите.
Продрогли в такой заварухе, небось?..
Последний в стране станционный

смотритель,
Я счастлив, что видеть его довелось.
С чего бы мне, Павел, старик

этот снится?

Когда мы с тобой одолели увал,
Грубой своей шерстяной рукавицей
Не он ли нам щеки тогда оттирал?
Не он ли ворчал, что не знаючи брода...
А на прощанье: «Пройдет. Ничего!»...
И если застигнет в пути непогода,
Я вспомню опять про улыбку его.
Встретишь — спасибо скажи за науку,
И сам, как поднимет метелица вой,
Не жди еле слышного, робкого стука,
Двери свои за засов не закрой.

* * *

Цветы с черемухи срываю,
Не стой в раздумьях у крыльца...
Отныне ясно понимаю:
Пошел характером в отца.
Он только гостем был на суще
Седой,
Упрямый,
Молодой...
Меня иное чувство сушит:
Я слишком, кажется, земной.
Отец мне дал в наследство море.
Послушный сын сказал бы: рад!
А мне подай другие зори —
В глухой тайге, у горных гряд.
И мне уже давно не двадцать.
И я уже почти седой.
Но ждать,
Любить
И расставаться
Ты не разучишься со мной.
Когда вернусь опять — не знаю.
Недолог сбор...
Я весь в отца...
Цветы с черемухи срываю,
Не стой в раздумьях у крыльца.
Черемуху напоминали
Барашки волн и ветра шум,
Я и теперь в лесные дали,
Как в море бурное спешу.
«В отца пошел!» —

Сама сказала.
Так не печалься, не сердись.
Мы только гости на причале.
У нас своя —
мужская —
жизнь.

СОДЕРЖАНИЕ

Приуралье, круг Полярный

«На землю гляжу из окна самолета...»	7
Ночлег	8
Мишкина изба	10
Над Ухтой	12
«Опять ушел...»	13
«Далеко от тебя. За Тиманом...»	14
«Как много дней нелегких, но счастливых...»	16
Вода живая	17
Устьяне	18
«Та не забыла, как глядели...»	19
Коровий Ручей	20
Колва	21
Дятлы стучат	22
«Есть у меня одна елань...»	23
Ингусу	24
«Ветру можно деревья ломать...»	25
«Приуралье, круг Полярный...»	26
«Ты как хочешь, а я за малицу...»	27
«Там, где синеют гор уральских кручи...»	28
«Испеки мне, мама, кулебяку...»	29
«Как наледь, жизнь плывуча и пестра...»	30
«Дикие, зыбкие, древние горы...»	33
Вспоминая Тобысь	34
Письмо Ивану Кильдишеву	35
Чернышев ручей	
Сосенка	39
Пуночка	40
Таганок	41
Зазимок	42
«Какая тишина...»	43

Косач	44
«Ты ни слова давно не пишешь...»	45
Веселый Кут	46
Найдышу	47
Друзьям	48
«Над черным лесом клик печальный...»	49
«Покраснели листья на осинах...»	50
У Медвежьей рассохи	51
«Вьется сизый дымок над огнищем...»	53
Едома	54
«Бывает: даже звезды плачут...»	56
«Далеко от дедовой избушки...»	57
«Что хочешь ты от перелетной птицы...»	59
«Здесь в быль превращаются сказки...»	60
Голубаны	61
«Листопад бушует, листопад...»	63
«Ты помнишь, как забыли про охоту...»	64
«Не сразу скажешь, как случилось это...»	66
«Никогда бы, наверно, стихов не писал...»	67
«Когда шумит, раскидистый сосновка...»	68
«Взглянул в окно белым-белом...»	69
«Полоскала девчонка белье, полоскала...»	70
Незнакомцу	71
«Снега вокруг, снега...»	72
Жажды	73
«Опять не смог найти...»	74
«В этот последний денек...»	75
«Я за дело взялся...»	76
Чертов камень	77
Надея	
«Море дремлет, руки стынут...»	81
Путина	82
«Если ты родился в катагаре...»	83
Хабар	84
Кормилица	85
Медвежка	86
Апрель	87

«Прошли вчера последние няпои...»	88
«Чуть мерцает над синим увалом...»	89
Неотправленные письма	90
Поморы	94
Поветерь	95
Книжица	96
«Опять бессоница замучила...»	97
«Прозвенел упругий наст весенний...»	98
Вечорка	99
Новосел	101
«Не веря в добрые приметы...»	103
«В раковине, выброшенной морем...»	104
«Мне напомнила старое даль зоревая...»	105
Голубень-река	106
«Кто-то брякнул...»	107
Окунево	108
Синькин Нос	111
«Не плачь, не надо...»	113
«Я помешался на этом цвете...»	114
«Говорили многое, говорили разное...»	115
Надея	116
Пильегоры	118
«Лебедь моя белая...»	120
Стреха	
«С чего бы это сердце ноет...»	123
Века	124
Перевоз	127
Выселок	129
За мегом	131
Ненастье	132
Такаю	133
Горка	134
«Мятой пахнут лесные луга...»	138
«Опалиной помечены...»	139
«Да, я себя не берегу...»	140
Изломки	141
«Когда, устав от жизни бренной...»	142

«Пройду дома пятиэтажные...»	143
Пижма	144
Совет старейшин	146
У порога «Разбойный»	147
Начинающий прозаик	148
«Над разливом снова утки кружат...»	150
Памяти друга	151
«Мы слишком много говорим порой...»	153
Тобыш	154
Зимняя ночь	155
Привет в Антарктиду	156
Жив герой	158
С новым годом	159
Родничок	161
Стреха	162
«И во мне ушкуйное бродило...»	164
Нерица	166
По старому тракту	167
Улыбка	168
«Цветы с черемухи срывая...»	169

P2
Ж91

В. С. Журавлев-Печорский.
Ж91 Стреха. Стихи. Коми книжное издательство.
Сыктывкар, 1980. 176 с.

«Стреха» — в большой степени итоговая книга поэта и про-
заяика Василия Журавлева-Печорского. В сборник вошли луч-
шие стихотворения из написанных автором более чем за 20 лет
литературной работы.

P2

Ж $\frac{0742 - 019}{M128(03) - 80}$ 30 — 80 м

(C) Коми книжное издательство, 1980.

Василий Степанович Журавлев-Печорский

СТРЕХА

Стихи

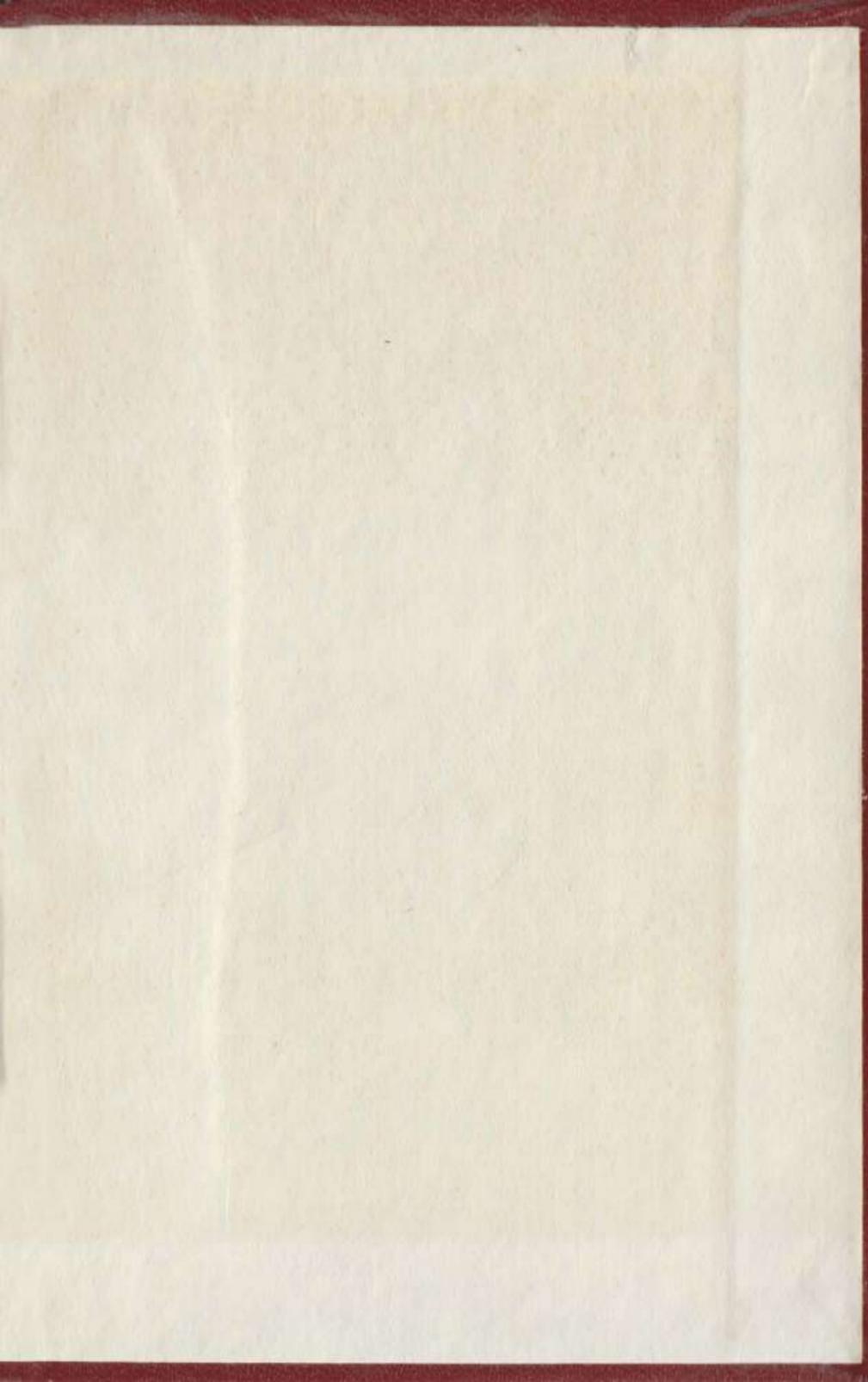
Художник В. А. Клейман.

*

Редактор А. Я. А л ш у т о в . Художественный редактор
А. В. М о ш е в . Технический редактор А. Н. В и ш-
н е в а . Корректоры Э. С. Грегер, М. М. Дейнега,
Сдано в набор 14/III-80 г. Подписано к печати 18.03.80 г.
Ц03605. Формат 70×90^{1/32}. Бумага № 1. Гарнитура «Лите-
турная». Печать высокая. Усл. печ. л. 6.43. Уч.-изд. л. 5,5.
Тираж 6000. Заказ № 848. Цена 75 коп.
Коми книжное издательство. 167610. Сыктывкар, Дом
печати.

*

Республиканская типография Государственного комитета
Коми АССР по делам издательств, полиграфии и книж-
ной торговли.
167610, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 20а.

151.